

**ВЫСТУПЛЕНИЯ В ЗАЩИТУ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА
В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ ПРОДОЛЖАЮТСЯ**

ХРОНИКА ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ.

Всеобщая декларация прав человека, статья 19

Выпуск 38

31 декабря 1975 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Друзья и враги Сахарова — Перед процессами Ковалева и Твердохлебова — Суд над Сергеем Ковалевым — Суд в Таллине — Суд над Леонидом Тымчуком — Кассация по делу Осипова — Суд над Григорьянцем — Дело Игрунова — Плюща отпускают за границу — Насильственная госпитализация — Арест Нарицы — В лагерях и тюрьмах — В защиту Буковского — Мустафа Джемилев продолжает голодовку — Движение крымских татар — События в Грузии — Преследование верующих — Визы на выезд и повестки в военкомат — Краткие сообщения — Новости Самиздата — Процессы прошлых лет — Поправки и дополнения

ГОД ИЗДАНИЯ ВОСЬМОЙ

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Издательство "Хроника", имея на то ясно выраженные полномочия, будет, по мере поступления, переиздавать типографским способом выпускаемый в СССР в Самиздате журнал "Хроника текущих событий".

Ответственным редактором настоящего сборника является П.Литвинов, который полномочен представлять редакцию "Хроники текущих событий" в том, что касается защиты ее авторских прав.

Главный редактор издательства "Хроника"

Валерий Н. Чалидзе

A CHRONICLE OF CURRENT EVENTS

Issue No. 38

December 31, 1975

Copyright © 1976 by Khronika Press

Published by: KHRONIKA PRESS, 505 8th Ave., N.Y., N.Y. 10018

Printed by: Chalidze Publications, New York

ДРУЗЬЯ И ВРАГИ САХАРОВА

9 октября 1975 г. Нобелевский комитет Норвежского Парламента присудил ежегодную Нобелевскую премию за деятельность по укреплению мира Андрею Дмитриевичу Сахарову.

А.Д. Сахаров узнал об этом 9 октября вечером от иностранных корреспондентов. Он сказал:

Надеюсь, что это будет хорошо для политзаключенных в нашей стране. Надеюсь, что это поддержит ту борьбу за права человека, в которой я принимаю участие. Я считаю, что это присуждение премии не столько признание моих личных заслуг, сколько заслуг всех тех, кто борется за права человека, за гласность, за свободу убеждений и в особенности тех, кто заплатил за это такой дорогой ценой, как лишение свободы.

Я надеюсь, что сейчас, в период разрядки, присуждение этой премии человеку, который не полностью разделяет официальную точку зрения, не будет рассматриваться как вызов этой официальной позиции, а будет воспринято как проявление духа терпимости и широты, того духа, который должен составлять непременимую часть процесса разрядки.

В последние месяцы, исходя из этой точки зрения, я неоднократно призывал к амнистии политзаключенных и сейчас, узнав о присуждении мне Нобелевской премии мира, я хочу еще раз повторить этот призыв... И, разумеется, я испытываю чувство большой благодарности к Норвежскому Парламенту.

* * *

На имя А.Д. Сахарова посыпались поздравительные письма и телеграммы. С 9-го по 22-е октября было доставлено 34 телеграммы из разных точек нашей страны и 33 телеграммы из-за рубежа.

Два поздравления дошли до Сахарова из Владимирской тюрьмы:

*10 октября 1975 г.
г. Владимир*

Дорогой Андрей Дмитриевич!

Только что услышал по радио сообщение о высокой чести, которой Вы удостоены (увы, лишь комментарии, так что, видимо, с запозданием). Искренне радуюсь за Вас и горячо поздравляю!! От себя и от всех наших общих друзей желаю еще многих многих плодотворных лет, ради и во имя Науки, Мира, Демократии. Не болейте, Бога ради, ну а крепости духа Вам не занимать!

Мы все Вас любим и гордимся Вами!

Мы еще увидим небо в алмазах!!!

Крепко обнимаю и целую
Ваш К. Любарский

Уважаемый Андрей Дмитриевич!

Я один из тех Ваших друзей, которые вынуждены временно "проживать" во Владимирском центре, где я делю жилье с Кронидом Любарским. Житье наше довольно однообразно и радостями нас не балует.

Но вдруг сегодня, 10 октября, по неодобрительным отзывам газеты "Фольксштимме", процитированным по радио, мы узнали о Вашей премии. И солнышко заглянуло в наше зарешеченное окно.

Я, конечно, далеко не уверен, что эта открытка доберется до Вас — слишком сложный путь ей предстоит. Но если доберется, знайте, что для меня и моих товарищей-евреев, осужденных в декабре 1970-мае 1971, Вы находитесь в том же ряду блистательных русских гуманистов и интернационалистов, как Короленко и Куприн, в ряду, который не оскудеет никогда.

Исторически сложилось так, что для нашего маленького народа демократия — единственная окружающая среда, в которой он может нормально развиваться. И это — вторая причина нашей глубокой радости сегодня. Слово "Мир" мы говорим при встрече и при расставании, и нам очень дороги те, кто по-настоящему за него борется. История делается сегодня, когда Вы, в день очередного наступления на нашу Родину, демонстрируете перед посольством Египта, сегодня, когда к Вам домой приходят с автоматами, чтобы научить Вас жить. А пишется завтра.

Ваш *Гилель Бутман*.

Открытым письмом (через Самиздат) поздравили Сахарова крымские татары (20 подписей). В "Хронике ЛКЦ" 19 помещено поздравление от литовцев. Многочисленные поздравительные письма дошли до Сахарова неофициальной почтой.

Получил А.Д. Сахаров также 6 неодобрительных телеграмм: от работников Гродненского областного театра (23 октября), из Гродно же от Сорокина, от директора Сибирского НИИ метеорологии Васильева (24 октября), от механизаторов колхоза им. Калинина Знаменского р-на Тамбовской области и председателя этого же колхоза Викторова (31 октября), от профессорско-преподавательского состава Янгнерского филиала Ташкентского института инженеров ирригации и механизации сельского хозяйства (3 ноября); из Италии дошла анонимная телеграмма без текста, адресованная так: "Москва, Андрею Сахарову, предателю".

* * *

Шведский корреспондент прошел по Красной Пресне и у первых 12 прохожих спросил, как они относятся к присуждению А.Д. Сахарову Нобелевской премии мира. 10 человек выразили свое удовлетворение, двое — возмущение.

Советская пресса открыла 11 октября обычную погромную кампанию, начавшуюся, как всегда, цитированием западных коммунистических газет.

Собственные комментарии публиковались, в основном, в "Литературной газете" (в течение двух месяцев "Сахаровская рубрика" была почти постоянной). В газетной и иной пропаганде неоднократно фигурировало утверждение, что нобелевские премии мира систематически присуждались реакционным деятелям (обычно безымянным; во всяком случае Карл Осецкий, Альберт Швейцер, Мартин Лютер Кинг не упоминались). Покойному Нобелю припомнили, что он изобрел динамит.

25 октября в "Известиях" было напечатано "Заявление советских ученых", подписанное 72 действительными членами и членами-корреспондентами АН СССР.

Велиамин Левич, чл.-корр. АН СССР написал "открытое письмо семидесяти двум коллегам по Академии наук". Левич недоумевает: что заставило ученых, многие из которых имеют неоспоримые заслуги перед наукой, "поставить свои подписи под документом столь далеким от истины и справедливости".

По поводу того же заявления выступили писатели Л. Чуковская, В. Войнович, В. Корнилов:

"Семьдесят два академика, противопоставив себя мировой общественности и всем честным людям нашей страны, выступили против присуждения Андрею Сахарову Нобелевской премии мира. С холодной готовностью, по мановению чьего-то руководящего пальца, они поставили свои подписи под письмом, повторяющим чуть ли не слово в слово недавние измышления некоего А. Викторова в "Литературной газете". Тут обвинения и в клевете на советский строй, и в опровергнутых самим Сахаровым симпатиях к чилийскому режиму, и вырванные из контекста сожаления о судьбе "несчастливого Гесса". И, как всегда в таких случаях, ни слова правды, а она в том, что Сахаров самоотверженно борется за истинную разрядку международной напряженности, против произвола, отправляющего людей за убеждения в тюрьмы и психбольницы, постоянно выступает за свободу выражения мнений, за амнистию политическим заключенным, за все то, что называется кратко — права человека..."

Писатель Лев Копелев в статье "Подвиг Андрея Сахарова" пишет:

"...Доброй славе Сахарова жить века. И в ее немеркнущем свете шеренга имен, подпирающих "заявление", вызывает недоумение, брезгливую печаль. До 1953-го года отказаться подписать подобный текст было бы опасно. Однако сейчас ученый рискует разве что временным недовольством начальства, запиской в карьере.

Неужели все эти образованные, многоопытные и, в большинстве своем, уже старые люди не думают о том, что каждому из нас, кому пошел седьмой десяток, все меньше времени останется на искушение грехов? И никакие казенные почести, хвалы, награды и даже подлинные научные заслуги не спасут от презрения современников и потомков, от неумолимого суда своей же совести в последние часы жизни. И самые красноречивые некрологи, самые пышные надгробия не уравновесят постыдного груза такой подлиси.

Трудно подражать Сахарову — он герой-подвижник. Однако не участвовать в травле человека, воплотившего живую совесть народа, доступно каждому”.

С совместным заявлением. для печати” выступили Андрей Амальрик, Рой Медведев, Валентин Турчин, Юрий Орлов, Владимир Корнилов, Владимир Войнович, Сергей Желудков, Осип Черный, Эрнст Неизвестный, Петр Григоренко, Решат Джемилев и Виталий Рубин:

”Вся общественная деятельность А.Д. Сахарова исходит из посылки, что подлинный мир невозможен без признания государствами основных прав человека. Насилие, направленное внутрь, рано или поздно обращается и вовне. Так, ”накт мира”, заключенный Сталиным и Гитлером в 1939 году, стал прелюдией к самой страшной войне в истории человечества.

Было бы целепо, если бы в 1939 году премию мира получили Сталин и Гитлер, а тот, кто говорил о жертвах гитлеризма и сталинизма, подвергся бы осуждению как ”противник международной разрядки”.

Мы видим теперь на примере решения Нобелевского комитета, что страшный исторический опыт не прошел даром.

Тем более удивляет и огорчает нас заявление 72-х советских ученых, утверждающих, что решение Нобелевского комитета носит ”недостойный и провокационный характер”. Скорее недостойным и провокационным” можно назвать прием, когда несколько вырванных из контекста слов, смешанных с собственными измышлениями, выдаются за взгляды нобелевского лауреата. Мы полагаем, что большинство людей, подписавших это заявление, были введены в заблуждение, поскольку тот облик А.Д. Сахарова, который там изображен, никакого отношения к реальному А.Д. Сахарову не имеет.”

28 октября в газете ”Труд” под рубрикой ”Политический фельетон” было опубликовано сочинение ”Хроника великосветской жизни”, подписанное ”З. Азбель”.

2 ноября член Союза советских журналистов, член КПСС с 1926 г. Раиса Лерт отправила редакции газеты ”Труд” открытое письмо. Хроника полностью публикует это письмо:

Читать напечатанный в вашей газете 28 октября 1975 года

”политический фельетон” ”Хроника великосветской жизни” стыдно и страшно.

Стыдно — за автора и редакторов. Страшно — за общество, которое ограничивается такой прессой.

Вы напечатали это грязное произведение с целью вызвать у читателей отвращение к академику Сахарову. У каждого чистоплотного человека оно вызывает отвращение к вашей газете и к тем, кто вдохновил вас на эту акцию.

Я не собираюсь здесь заниматься анализом взглядов и убеждений Андрея Дмитриевича Сахарова. Будучи несогласной со многими его высказываниями, я могла бы полемизировать с ним в том случае, если бы он имел возможность *отвечать* на эту полемику в своей стране. Ему заткнут рот — и поэтому полемизировать с ним я не буду.

Но то, что напечатано в вашей газете — не полемика. И никакая не ”идеологическая борьба”. Это просто ушат грязи, обдуманно вылитый на голову чистого, честного и гуманного человека, который ”поднял голову от научных расчетов, огляделся и усмотрел общую неустроенность дел человеческих”.

Вот за это вы и ненавидите его и поливаете грязью. Сидел бы за своими научными расчетами и не нарушал бы монополию: говорить о ”неустроенности дел человеческих” положено только вам — и только то, что приказано.

Я не знаю, кто такие Караванский и Паулайтис. Но я знаю, кто такие Леонид Плющ, Владимир Буковский, Андрей Твердохлебов, Петр Григоренко, Семен Глузман и многие-многие другие, в защиту которых поднял свой мужественный голос академик Сахаров. Это люди, томящиеся в тюрьмах, лагерях и психиатрических больницах, которых стремятся довести до смерти или до действительного психического заболевания только за то, что они требуют, чтобы декларированные нами демократические свободы реально осуществлялись в нашей стране.

Это на руках талантливых ученых — Леонида Плюща или Андрея Твердохлебова — кровь советских людей? Или на руках математика Револьта Пименова? Или, может быть, на руках заслуженного генерала Советской Армии, коммуниста Петра Григоренко, пять лет отсидевшего в психиатрической тюрьме? Может быть, на руках одного из честнейших и талантливейших писателей наших Виктора Некрасова, воевавшего в окопах Сталинграда и написавшего об этом одну из лучших книг советской литературы? Сейчас автор выдворен за границу, а его книга потихоньку изымается из библиотек. Может быть, кровь советских людей — на руках Валентина Мороза, который хотел охранить сокровища украинской культуры от безграмотных руссификаторов и жадных расхитителей? Нет, это его кровь — на руках тех тюремных начальников, которые подса-

дили в его камеру уголовников, снабженных ножами.

Есть большая группа преступников, на руках которых действительно кровь советских людей. О них вы молчите. Это работники карательных органов, деятели светлой памяти 1937-1949-1953 годов. Некоторые из них продолжают свою деятельность, но большинство угомонилось: одни умерли на своих постелях или в привилегированных больницах, оплаканные семьями и парт организациями, другие, обеспеченные высокими пенсиями, вкушают "заслуженный отдых". Та кровь, которую они пролили в следственных кабинетах Лубянки, Бутырки и других тюрем, на Колыме, в Воркуте, в Караганде, — эта кровь вас не беспокоит?

Их наследники действуют сейчас — малой кровью и большим беззаконием. Об их жертвах и печется Сахаров. И этого вы не можете ему простить, ибо печетесь не о жертвах, а о палачах.

Вы осмеливаетесь упрекать Сахарова в том, что он, будучи 1921-го года рождения, не принимал участия в войне, а "продолжал спокойно получать образование". Да где была бы сейчас наша страна, если бы в мясорубку войны были брошены все ученые (как преступно поступили со многими добровольно пошедшими в Московское ополчение 1941 года научными работниками) и вся студенческая молодежь? Миллионы воевали, но миллионы делали свое дело в тылу. И вы осмеливаетесь упрекать в этом как раз того юношу, который за свои крупнейшие научные заслуги стал академиком, трижды Героем Социалистического Труда! Много ли вы сможете назвать людей, *так* оплативших полученное ими образование?

"По склонностям своим (?) он не торопился разделить героическую судьбу своего поколения..."

По склонностям? А вот в "Книжке партийного активиста" (справочник на 1976 год, М., Издательство политической литературы) я читаю биографии членов и кандидатов Политбюро ЦК КПСС. Это — высший штаб нашей страны. Двадцать два человека. Почти все — участники Великой Отечественной войны; большинство значительно превосходит А.Д. Сахарова по возрасту. Однако среди этих двадцати двух я насчитала четырех человек сахаровского поколения, которые на фронте не были и в войне не участвовали. Одному из них в 1941 году исполнилось 23 года, другому — 24, двум — по 27 лет. Возраст, как видим, самый цветущий, призывной. Все они, конечно, в годы войны работали или учились. Как ни относиться персонально к каждому из них, чье-либо утверждение, будто эти люди "*по склонностям своим не торопились разделить героическую судьбу своего поколения*", справедливо рассматривалось бы как бессовестная клевета.

А в отношении Андрея Дмитриевича Сахарова бессовестная клевета, значит, допустима? И — не наказуема?

У вас поворачивается язык упрекать в продажности человека, который всю свою Ленинскую премию (сто тысяч рублей) отдал на строительство онкологического центра в Москве. Человека, о котором вы прекрасно знаете, что будь он столь же послушен и конформен, как те 72, что его осудили, — он имел бы все, чего пожелает, и в любых количествах.

У вас хватает наглости, пользуясь скромностью ученого, вполне в духе политической порнографии острить над его снизившейся научной производительностью, о чем он заявил сам. Но, во-первых, в тех условиях, в которых живет академик Сахаров, *любое* продолжение научной деятельности есть подвиг. Во-вторых, если бы Сахаров ничего больше в жизни не сделал, он все равно остался бы великим ученым. В-третьих, если вас так беспокоит недостаточная научная производительность иных ученых, почему бы не вспомнить о тех академиках, которые *никогда ничего* в науке не сделали: ни до, ни после того, как стали академиками. Академика Митина, например. Или академика Ильичева. Или некоторых других — из числа, скажем, подписавших "заявление 72-х".

Вы инкриминируете академику Сахарову беседу с заезжим американским сенатором и миллионером Бакли. Сколько мне помнится, Бакли приезжал в Советский Союз в составе делегации сенаторов, приглашенных нашим правительством. Если он "даже по американским критериям пресловутый реакционер," зачем было звать его в гости? И почему бы Сахарову гнушаться беседовать с миллионерами, если таких бесед не гнушаются наши руководители? Разве Никсон не был пресловутым реакционером? А президент Форд разве американский коммунист? И не боятся ли члены нашего правительства, что после дружеских бесед с Нельсоном Рокфеллером они будут приняты в клуб миллионеров?

То, что написано в статье о жене академика Сахарова, читать вообще невозможно. Так ругались когда-то на одесском базаре торговки; с тех пор, как я слышала, уровень их морали и культуры повысился. Не имея склонности к жанру великосветской хроники и не испытывая любопытства к интимной жизни великих людей, я вообще не понимаю, какое отношение к политическому и человеческому облику Андрея Дмитриевича Сахарова имеет операция глаукомы, сделанная его жене? Повторяю, я не любитель жанра великосветской хроники, но если уж вводить в советских газетах этот ранее отсутствовавший в них жанр, я бы с большим интересом прочла о времяпровождении мадам Мжаванадзе, чьи торговые операции имели прямое отношение к политическому и человеческому облику ее супруга.

Антисемитская концовка статьи вполне соответствует общему моральному уровню произведения.

Кончаю тем же, чем начала: стыдно. Мне — стыдно вдвой-

не, я — член того же Союза советских журналистов и той же партии, что и редактор "Труда".

Возмущение публикацией в газете "Труд" выражается в коллективном письме "В защиту академика А.Д. Сахарова" (77 подписей).

* * *

3 ноября в защиту Сахарова выступила Лидия Чуковская. Ее статья тоже приводится полностью:

Да здравствует разум!

С 1958 года в нашей стране обнаружено трое Иуд: Борис Пастернак, Александр Солженицын (1970) и академик А.Д. Сахаров (1975).

Все трое предали родину капиталистам за изрядную мзду — за Нобелевскую премию. Их своевременно уличила в этой предательской махинации советская пресса.

Я не знаю, почему за поклев берут сотрудники советских газет и как им платят: построчно или постатейно? Только ли рублями с ними расплачиваются или также и повышением по службе, квартирами и орденами? Не вдаваясь в подробности, хочу отметить и подчеркнуть один радостный факт: разум берет верх, читатели перестают верить казенной словесности. Не только интеллигентная интеллигенция давно уже не верит ни единому слову наемных разоблачителей и отдает себе ясный отчет в истинном величии своих национальных героев ("Иуд"), но и так называемые "простые люди", на чью беззащитность (то есть неосведомленность) рассчитывают газеты, — и они чувствуют ложь и отвергают ее. На днях один человек, рабочий, прислал мне копию своего письма в газету (имя, отчество, фамилия, адрес). Привожу — с полной точностью — два отрывка:

"...Лжете, Сахаров не ненавидит русских людей, а любит."
"... Ругань и оскорбления еще никого не убеждали и вся грязь, которую вы льете на академика, его не загрязнит, а вас уважать перестанут. Много хочется вам сказать, да ведь бесполезно, дальше КГБ мое письмо не пойдет, а они лучше всех знают, что у нас творится."

Я имею основания полагать, что подобных документов сегодня десятки в редакциях советских газет. Я счастлива этим не менее, чем Нобелевской премией мира, которой удостоен Андрей Дмитриевич Сахаров. Торжество справедливости — праздник редкий. И хотя дальнейшая судьба Сахарова внушает тревогу, праздник справедливости неотымаем ничем. Будем же достойны его.

* * *

Вручение премии должно было состояться в Осло 10 декабря.

Сахаров подал заявление в Московский ОВИР с просьбой разрешить ему поездку в Осло. Одновременно он пригласил на церемонию вручения Ю.Ф. Орлова, В.Ф. Турчина, С.А. Ковалева и А.Н. Твердохлебова. Сахаров обратился к Председателю Верховного суда Литовской ССР: "Я прошу Вас содействовать осуществлению С.А. Ковалевым его права на поездку по моему приглашению, которым он обладает, не будучи осужден по суду..." С аналогичным письмом по поводу Андрея Твердохлебова Сахаров обратился к прокурору г. Москвы. Ответа на эти письма он не получил.

12 ноября начальник Московского ОВИРа сообщил Сахарову, что ему отказано в разрешении на поездку "по соображениям государственной безопасности, поскольку он обладает особо важными государственными и военными секретами". Сахаров заявил, что он считает причину отказа оскорбительной.

В коллективном заявлении "Для печати" (37 подписей) по этому поводу написано:

"Официально отказывая Андрею Дмитриевичу Сахарову в праве выезда на церемонию вручения Нобелевской премии, советское правительство лишь подчеркивает обычное свое неуважение к национальному таланту, а также, добавим мы, свой страх перед неуклонным движением общественной мысли и морали."

10 декабря супруга А.Д. Сахарова Елена Георгиевна Боннзр получила в Осло премию, присужденную ее мужу. На следующий день на соответствующей церемонии она зачитала заготовленную Андреем Дмитриевичем и переданную ей речь.

В эти дни А. Сахаров находился в Вильнюсе, тщетно пытаясь пройти в зал, где судили Сергея Ковалева.

ПЕРЕД ПРОЦЕССАМИ КОВАЛЕВА И ТВЕРДОХЛЕБОВА

Издательство "Хроника-пресс" выпустило сборник "В защиту Сергея Ковалева" (Нью-Йорк, 1975), который содержит краткую биографию Ковалева и два письма: доктора физико-математических наук Юрия Гольфанда (27 марта 1975 года) и Жоржа Уальда из отдела биологии Гарвардского университета (сентябрь 1975 г.).

Ю. Гольфанд дает высокую оценку гражданской позиции С. Ковалева: "Это человек самых высоких и благородных нравственных убеждений. Он глубоко уверен в праве каждого человека открыто и прямо высказывать свои мысли, защищать свои убеждения. Он всегда готов выступить против несправедливости, против ущемления прав человека, против беззакония и произвола. В своей общественной деятельности Сер-

гей Ковалев неизменно руководствуется именно этими высокими принципами, проявляя исключительную доброту и душевную чуткость". Автор подчеркивает профессионализм Ковалева — талантливого ученого-биолога и оценивает его работы как пионерские и представляющие большой интерес для науки.

Письмо Уальда "В защиту защитников", кроме изложения основных фактов общественной и научной деятельности С. Ковалева, сообщает о преследованиях других членов советской группы Международной Амнистии.

* * *

2 сентября 1975 года группа профессоров и сотрудников Лейденского университета (Голландия) обратились к исполняющему обязанности президента АН СССР В. Котельникову с просьбой вмешательства и защиты ученых Ковалева и Твердохлебова: "К нашему сожалению, — говорится в письме, — мы узнали от наших коллег и членов Вашей Академии, что докторам Ковалеву и Твердохлебову было отказано в свободе слова. Мы опасаемся, что их арест окажет серьезное влияние на развитие научных контактов Советского Союза и других стран."

Копия этого письма была направлена советскому послу в Нидерландах.

* * *

В открытом письме в организации "Международная Амнистия" и "Международная ассоциация юристов" академик А. Сахаров напоминает о приближающихся судах над С. Ковалевым и А. Твердохлебовым, говорит, что одной из главных причин ареста является их участие в организации "Международная Амнистия". А. Сахаров призывает эти авторитетные международные организации "прислать на процессы Ковалева и Твердохлебова своих наблюдателей и квалифицированных и независимых от советских властей адвокатов, которые могли бы участвовать в процессах и способствовать полному осуществлению права обвиняемых на защиту."

* * *

6 октября А.Сахаров обратился к Председателю Верховного Суда СССР А.Н. Смирнову с просьбой обеспечить на предстоящий в Вильнюсе судебный процесс по делу С.А. Ковалева свободный допуск друзей Ковалева, а также представителей международной прессы и организации "Международная Амнистия", членом советской группы которой является Ковалев.

Ответа на свое заявление Сахаров не получил.

* * *

21 октября 1975 года Т. Великанова, А. Лавут и Ю. Орлов обратились в организацию "Международная Амнистия", в Международный комитет прав человека (Париж), в Международную ассоциацию юристов-демократов по поводу нарушения права на защиту Ковалева и Твердохлебова: выбранные ими адвокаты не получили разрешения принять поручение. Авторы письма, кроме того, ставят вопрос о нарушении прав адвоката в СССР: в политических процессах право адвоката на свободный выбор подзащитного нарушается, существует негласная и незаконная система "допусков", когда только некоторым адвокатам Президиум Коллегии адвокатов дает разрешение выступать по "спецделам".

Авторы письма просят своих адресатов неотложно:

— добиваться от советского правительства отмены дискриминационных запретов на выбор адвокатов Ковалевым и Твердохлебовым,

— пригласить иностранных адвокатов для совместной с московскими адвокатами защиты Ковалева и Твердохлебова и на основании ст. 47 УПК РСФСР ходатайствовать об их допущении в суд,

— напомнить советским руководителям об их обещаниях выполнять ратифицированные Верховным Советом СССР Пакты о правах человека.

* * *

Председатель советской группы "Международной Амнистии" В.Ф. Турчин 26 октября сделал заявление для печати.

Он опровергает утверждение представителей прокуратуры, которое они неоднократно повторяли, что участие Твердохлебова в создании и работе советской группы "Международной Амнистии" никакого отношения к его аресту не имеет.

В заявлении приводится ряд фактов. Обыски и задержания членов группы 18 апреля, в день ареста Твердохлебова, арест члена группы С. Ковалева. Допросы Турчина по делам Твердохлебова и Ковалева. ("Из характера допросов по делу Твердохлебова видно, что протоколы... ..пойдут в мое собственное дело, которое, как мне стало недавно известно, уже существует".)

Отметив гуманный и политически нейтральный характер организации "Международная Амнистия", Турчин говорит: "Деятельность Андрея Твердохлебова и Сергея Ковалева в защиту основных прав человека в СССР и во всем мире не только была полностью лишена каких бы то ни было элементов насилия или призывов к насилию, но целиком находилась в рамках тех жестких законов, которые существуют в СССР. Их арест и грозящие им сроки заключения в тяжелейших услови-

ях советской карательной системы — следствие расширительного толкования законов, при котором каждое слово неугодной властям правды объявляется клеветой”.

Турчин призывает ”всех, кто не остается равнодушным, когда людей карают за то, что они лучше и честнее других: выступите в защиту Андрея Твердохлебова и Сергея Ковалева.”

СУД НАД СЕРГЕЕМ КОВАЛЕВЫМ

9—12 декабря в Вильнюсе, в Верховном суде Лит. ССР проходил процесс по делу С.А. Ковалева (Хр. 34—37).

Председатель судебной коллегии — М.Игнотас, член Верховного суда Лит. ССР. Народные заседатели: Диджидене, Терешин. Секретарь — Савиняне. Государственный обвинитель — Бакучонис, ст. советник юстиции, зам. прокурора республики. В начале заседания был назначенный судом адвокат.

С.А. Ковалев обвиняется по ст. 70 УК РСФСР.

Ему инкриминируется участие в Инициативной группе защиты прав человека, многочисленные заявления и обращения, написанные с 1969 года, среди них — письмо в защиту Григоренко (1969 г.), к годовщине вторжения в Чехословакию (1969г.), в защиту Буковского (1971 г.), о Красине и Якире (1973 г.), обращение в связи с изгнанием Солженицына (1974 г.), письмо в ООН о крымских татарах (1974 г.), письмо в Лигу прав человека о Буковском (1974 г.) и другие. Ковалев обвиняется также в том, что, участвуя в пресс-конференции на квартире А.Д. Сахарова в ”День политзаключенных” 30 октября 1974 г., передал за границу материалы о советских лагерях, которые в обвинительном заключении квалифицируются как ”клеветнические сведения”.

Ковалеву инкриминируется возобновление издания ”Хроники текущих событий”, сбор материалов, составление, редактирование и передача за границу выпусков ”Хроники” с 28 по 34. Обвинительное заключение использует совпадение материалов, взятых у Ковалева на обыске, с содержанием ”Хроники”, пометки Ковалева на некоторых документах. Обвинение в передаче ”Хроники” за границу основано на заявлении С. Ковалева совместно с Т. Великановой и Т. Ходорович в мае 1974 года об их намерении способствовать распространению ”Хроники”, а также на том факте, что выпуски 28 — 34 вышли в издательстве ”Хроника—пресс” в Нью-Йорке.

Ковалеву инкриминируется хранение трех выпусков ”Хроники Литовской Католической Церкви” и использование их содержания в ”Хронике текущих событий”.

С. Ковалев обвиняется также в распространении книги

А.И. Солженицына "Архипелаг ГУЛаг". У него дома была найдена ксерографическая копия и часть машинописной копии книги. Главная улика для этого пункта обвинения — книга, отобранная у В. Маресина при попытке переснять ее и сданная в КГБ, и письмо С. Ковалева Андропову (окт. 1974 г.) с требованием вернуть ему его книгу.

С.Ковалев не признает себя виновным в предъявленных ему на суде обвинениях и на вопрос судьи: "Признаете ли вы фактические обстоятельства, изложенные в обвинительном заключении?" отвечать отказывается.

В начале судебного заседания С. Ковалев заявляет три ходатайства:

1. Дать ему возможность пользоваться текстом Всеобщей декларации прав человека.

2. Вызвать ряд свидетелей, в том числе Красина и Якира.

3. Пригласить в качестве защитника С.В. Каллистратову или Д.И. Каминскую.

Ковалев сам и через жену просил этих адвокатов и на предварительном следствии и после его окончания. Отказы мотивировались отсутствием у этих адвокатов "допуска" и другими причинами. В октябре 1975 г. Л. Бойцова, жена С. Ковалева, направила жалобу Министру юстиции СССР Теребилову на необоснованный отказ в просьбе разрешить Каллистратовой или Каминской защищать Ковалева. В ответе, пришедшем из Московской городской коллегии адвокатов за подписью Председателя Президиума Апраксина, сказано, что коллегия адвокатов самостоятельно решает вопросы о направлении адвокатов в другие города.

Суд отводит все ходатайства Ковалева, кроме вызова свидетеля Красина.

С. Ковалев отказывается от адвоката, назначенного судом. Судья предлагает Ковалеву дать показания. С.Ковалев говорит, что на предварительном следствии он не давал показаний и не участвовал в следствии, считая его незаконным и преступным. Как исключение из этой позиции он высказывал свое мнение об исследовании фактов по существу.

С.Ковалев сказал, что логично было бы придерживаться этой позиции и на суде, поскольку в таких процессах людей судят за их убеждения, а не за преступления. Но он, несмотря на это, будет участвовать в процессе в том, что касается основного содержания дела, т.е. имеются ли ложные заявления в письмах и в "Хронике". Но он не будет отвечать на вопросы о том, кто и где подписывал те или иные документы.

Излагая свое отношение к "Хронике" и письмам, С.Ковалев назвал их полезными и не противоречащими закону. Он сказал, что в "Хронике текущих событий" есть, к сожалению, ошибки, он согласен участвовать в анализе ошибок и обладает доказательствами того, что это действительно ошибки, а не намеренная ложь.

Во второй день суда 10 декабря — допрос свидетелей. По делу проходят 22 свидетеля.

Врач спецпсихбольницы Днепропетровска Л.А. Любарская допрашивается об условиях содержания и лечения в больнице Л. Плюща. Судья задает вопросы, основываясь на материалах "Хроники" № 34. Любарская неизменно отвечает, что все в больнице делается в соответствии с инструкциями.

Ковалев настаивает на утверждении, что в Советском Союзе психиатрические больницы используются в репрессивных целях. И заявляет, что лишен возможности защищаться, вызывая своих свидетелей. Суд отклонил ходатайство С. Ковалева о вызове свидетелем Житниковой, жены Л. Плюща.

О содержании в психиатрической больнице П.Г. Григоренко свидетелем выступает А.А. Кожемякина, зам. главного врача психбольницы Чеховского района Московской области. Судья снимает ряд вопросов Ковалева к свидетелям, в частности, остается без ответа вопрос: В чем именно выразалось улучшение здоровья Григоренко при выписке?

Для разбора эпизода из "Хроники" № 32 о содержании в больнице и в тюрьме Ханциса свидетелями были вызваны врач центральной психиатрической больницы Кировской области Польшкин Б.В. и старший контролер (надзиратель) Управления внутренних дел в Кирове Кафтанюк И.П. Судья зачитывает показания Ханциса (из протокола осмотра его дела) о том, что в период пребывания в местах заключения он был избит и получил инвалидность, что в тюрьме сидел в карцере 7 раз и затем был посажен в одиночную камеру. На это надзиратель Кафтанюк говорит: "В тюрьме г. Кирова одиночных камер нет, а 7 раз в карцере никто не выдержит физически". На вопрос С. Ковалева, не помнит ли свидетель случая, когда Ханцис проявил буйство, Кафтанюк отвечает: "Слушай, у меня голова не Дом Советов! Не помню."

Разбирается еще несколько эпизодов из "Хроники". Свидетели Гудас, бульдозерист на станции лесной обработки Каунасского района (Хр. 32), Скворцова Н.Г. из Архангельска (Хр. 32) частично опровергают некоторые сообщения "Хроники". Судья многие вопросы Ковалева к свидетелям снимает.

Свидетельница Королева Г.Е. из Москвы показывает, что, зайдя однажды на квартиру своей родственницы, которую та сдала в наем Великановой, она обнаружила в квартире папки

с письмами осужденных и, сочтя содержимое папок подозрительным, сообщила в милицию.

Группа свидетелей (Чикина В.Н., старший техник, Горбатов В.А., зав. лаб. Ин-та экспериментальной ветеринарии, Добрачев Ю.Л., зав. сектором ЭВМ ин-та кормов, Маресин В.М., ст. научный сотрудник МРМОС) допрашиваются в связи с эпизодом переснятия книги Солженицына "Архипелаг ГУЛаг". По их показаниям произошло следующее: Горбатов разрешил Добрачеву переснять в лаборатории книгу Швейцера; Маресин помогал Добрачеву, а когда тот ушел, стал переснимать "Архипелаг ГУЛаг". Это обнаружил Горбатов, вызванный Чикиной, забрал книгу и пленку и позднее передал их в КГБ.

На вопрос, кому принадлежала переснимаемая книга "Архипелаг ГУЛаг", В.Маресин отвечать отказался и заявил, что руководствуется при этом соображениями чисто этического характера.

В.Ф. Турчин, выступая в качестве свидетеля, говорит, что он давно и хорошо знает Ковалева и считает, что Ковалев не мог заниматься распространением каких-либо клеветнических документов.

После допроса последнего свидетеля В. Турчина судья И.Игнотас без всякой просьбы свидетелей, выслушав мнение сторон: согласие прокурора Бакучониса отпустить свидетелей и возражения Ковалева, говорит, что все свидетели могут быть свободны, и объявляет перерыв.

Свидетели Бойцова, Турчин, Литвинов, Ясиновская, Маресин, Мизякин остаются на своих местах. Их настойчиво просят покинуть зал, чтобы проветрить помещение.

Капитан из охраны ссылается даже на постановление суда. Свидетели выражают недоумение по поводу того, что разрешение им покинуть судебное заседание принимается за их обязанность сделать это, тем более что такое постановление суда противоречит УПК. Доводы свидетелей не производят никакого впечатления. Свидетелей намереваются вывести силой. Тогда В. Турчин добивается у капитана заверения, что после перерыва они будут допущены в зал суда. Свидетели выходят из зала. За несколько минут до окончания перерыва этот капитан покидает здание Верховного суда. После перерыва никого из свидетелей, кроме Л.Ю. Бойцовой, в зал не пускают. Охрана в штатском силой проталкивает их от дверей сквозь "свою публику", начавшую входить в зал; "публика" дружно возмущается "хамством москвичей". М.М. Литвинова (свидетеля) и Ю.Ф. Орлова, также пытавшегося пройти в зал, уводят в специальную комнату, угрожая арестом "за сопротивление представителям власти" (через час их выпустили).

С. Ковалев, видевший, когда его уводили из зала суда, что

многие свидетели не покинули своих мест, и слышавший после перерыва шум и споры у дверей, а из свидетелей видя в зале одну Л. Бойцову, заявляет, что не останется здесь, пока все свидетели не будут возвращены в зал, что не намерен более участвовать в этом "Шемякином суде", что он объявляет голодовку до тех пор, пока и свидетели и все желающие не будут допущены в зал суда. Он требует увести его. Судья объявляет перерыв до 10 часов утра 11 декабря.

В. Турчин, В. Маресин, А. Мизякин, М.М. Литвинов и Ф.П. Ясиновская пишут заявление на имя Председателя Верховного суда Лит. ССР о незаконном выдворении свидетелей из зала судебного заседания и требуют разрешить им остаться в зале до конца судебного разбирательства, ссылаясь на ст. 313 УПК Лит. ССР. Все свидетели получают разрешение присутствовать в зале.

Утром 11 декабря С.Ковалев делает заявление. Он описывает происшедший 10 декабря инцидент со свидетелями и выдвигает ряд требований:

Первое. Обеспечить присутствие в зале суда всех свидетелей, которые того пожелают, и предоставить мне возможность лично или через мою жену и других свидетелей убедиться в том, что иные действительно не пожелали остаться на процессе.

Второе. Обеспечить присутствие в зале суда Андрея Дмитриевича Сахарова, Татьяны Михайловны Великановой, Александра Павловича Лавута, Мальвы Ноевны Ланда, Виталия Александровича Рекубратского, Юрия Федоровича Орлова и других моих друзей, пожелавших быть в моем суде, которых назовет моя жена и другие свидетели. Вместе с тем же условием: я должен иметь возможность спросить, все ли желающие допущены.

Третье. Расследовать в суде не отраженный в материалах дела вопрос о том, действительно ли при слушании подобных дел часто и организованно нарушается принцип гласности судопроизводства. Наряду с прочим, допросить для этого в качестве свидетелей всех поименованных мною лиц и тех приехавших на мой суд, которых я не знаю сейчас, но кого назовут свидетели.

Четвертое. Разумеется, я требую приобщения к делу настоящего заявления.

Со своей стороны я сожалею о произнесенных мною во время сегодняшнего инцидента хотя и литературных, но оскорбительных выражениях. Готов публично извиниться перед судом и присутствующими в нем лицами и выразить свою мысль менее резкими словами. Я нахожу подходящей редакцией — следующую:

Вашему циничному произволу должен быть положен предел. Я не буду более, не желаю оставаться в собрании лиц, со-

знательно нарушающих закон или способствующих этому. Разумеется, я понимаю, что извинение не исключает возможности уголовной ответственности за оскорбление. В случае, если мои умеренные, не преувеличенные требования не будут удовлетворены, я не прекращу голодовки до конца судебного процесса, а также, разумеется, более не вернусь к суду.

Суд так непринужденно обходится без адвоката, что, конечно, легко закончит дело и без подсудимого.

Я могу добавить лишь следующее: я буду огорчен, если мои требования не будут удовлетворены еще и потому, что я намерен был представить суду веские доказательства своей невиновности, нимало не рассчитывая, впрочем, на правосудный приговор. Так вот, будучи лишен этой возможности в случае отказа удовлетворить мои требования, я буду огорчен. Но что ж поделаешь?!"

Судья сообщает, что свидетели, которые прибыли сегодня и просили допустить их в зал судебного заседания, находятся здесь. Другие — убыли по месту жительства. Вопрос относительно присутствия в зале других лиц — не процессуальный и оставлен на разрешение коменданта суда. Судебная коллегия постановила ходатайство подсудимого Ковалева, изложенное в его заявлении, отклонить.

С.Ковалев настаивает на том, что принцип гласности есть процессуальный принцип и ссылки на коменданта суда неосновательны. Он требует удовлетворения всех своих требований или немедленного удаления его из зала. Когда конвой выводит его, Ковалев говорит, обращаясь к свидетелям на первой скамье: "Большая моя любовь вам всем и тем, кто за дверью и в Москве! Горячие поздравления Андрею Дмитриевичу!"

После совещания судебная коллегия определила: Ковалева из зала суда удалить, рассмотрение дела продолжать в его отсутствии.

Суд приступает к процедуре исследования доказательств. Зачитываются служебные характеристики С.А. Ковалева из Университета, где он работал до 1969 г., и Московской рыбо-водно-мелиоративной опытной станции (1970–1974 г.г.). В характеристиках говорится о полученных Ковалевым научных результатах в области электрофизиологии и моделирования непрерывных сред, о полученных им важных практических результатах.

Судья перечисляет документы: обращения и заявления, подписанные Ковалевым, протоколы осмотра дела Якира и Красина, где сказано, что в состав созданной инициативной группы, наряду с другими лицами, входил Ковалев; Открытое письмо, в котором изложены цели и задачи Инициативной Группы, обращение к 5-му Конгрессу психиатров, где указывается, что у нас медицина используется в репрессивных це-

лях; протоколы осмотра документов, изъятых при обыске, среди них — различные письма и материалы из мест лишения свободы, материалы об арестах и судебных процессах, списки осужденных, письма из лагеря, выпуски "Хроники текущих событий" и "Хроники Литовской Католической Церкви", различные материалы о положении дел в Грузинской Православной Церкви, "Московское Воззвание" в связи с высылкой Солженицына, текст "Мы просим передать эти сведения международным организациям, провозглашающим своей целью защиту свободы личности на основе "Всеобщей декларации прав человека", обращение в Международный комитет защиты прав человека, Лигу прав человека, "Международную Амнистию".

Графологическая экспертиза показывает, что ряд рукописных текстов, а также записи на различных машинописных документах выполнены рукой Ковалева.

Прокурор просит огласить еще некоторые другие документы, которые могут иметь значение доказательств, в частности, сравнительные таблицы о совпадении материалов, которые были изъяты у Ковалева и у гр. Королевой с теми, которые были опубликованы в "Хронике".

Решением судебной коллегии отклоняются ходатайства С. Ковалева о вызове свидетелей и оглашаются показания врача Днепропетровской психбольницы Бочковской на предварительном следствии. В некоторых деталях они расходятся с показаниями в суде врача Любарской.

На этом заканчивается судебное исследование доказательств, и суд приступает к прениям сторон.

С. Ковалев передает в суд заявление, в котором он говорит, что готов со всею добросовестностью искать и обсуждать форму ходатайств со всеми необходимыми ссылками на закон, но он не отступит и на полшага от своих требований. В заявлении Ковалева говорится: "Мое участие в этом процессе я находил и нахожу интересным для себя, т.к. основательно к нему готовился. По-прежнему считаю, что действовал неподходящим образом. Вы сами спровоцировали меня на это удалением свидетелей. В другом случае я не выдвинул бы таких требований. Дело в том, что это нарушение закона стало уже столь привычным в судопроизводстве по аналогичным делам, что возникла тенденция смотреть на это, как на неизбежное. Так бы поступил и я ради возможности содержательного участия в процессе. Однако теперь сожаления о происшедшем конфликте неуместны... Я не изменю своих требований. Я не прекратил и не прекращу голодовку!"

Государственный обвинитель произносит свою речь в отсутствие подсудимого и его адвоката.

Прокурор снова перечисляет письма и заявления, подписан-

ные С.А. Ковалевым, доказывая авторство Ковалева фактом существования документа, опубликования его в одном из выпусков "Хроники" или даже записями передач зарубежных радиостанций: Свободы, Би-би-си, Голоса Америки. Содержательная сторона документов не анализируется. Прокурор Бакучонис говорит: "Советской власти безразличны убеждения человека, лишь бы он держал их при себе, а не совершал преступных действий. В рассуждениях о свободе, в документах, которые он (Ковалев) подписывал сквозит одно: навязать советским людям буржуазное понятие свободы, попытка изобразить свободу, как независимость от общества". Прокурор говорит о повышенной опасности для нашего общества деятельности, которую проводил Ковалев, не усматривает предусмотренных законом смягчающих обстоятельств и предлагает меру наказания — 7 лет лагерей строгого режима и дополнительно 3 года ссылки.

Прокурор обращает внимание на поведение в суде свидетеля Маресина в связи с его отказом дать показание, от кого им была получена книга "Архипелаг ГУЛаг".

После обвинительной речи председатель объявляет, что суд начинает совещание для вынесения приговора. Оно продолжается почти сутки. Примерно за час до его окончания Ковалева в тюрьме спрашивают, не скажет ли он последнее слово. Он отказывается. Суд оглашает отказ непосредственно перед зачитанием приговора, 12 декабря днем.

Приговор признает практически все эпизоды обвинения доказанными. Субъективная сторона — наличие цели подрыва или ослабления Советской власти — усматривается, несмотря на отрицание этой цели Ковалевым, в самом содержании инкриминируемых документов и в том, что они использовались зарубежной пропагандой.

Наказание — 7 лет лагерей строгого режима со ссылкой на 3 года.

Приговор окончательный и обжалованию не подлежит. Частным определением суд передал в прокуратуру материалы об отказе В. Маресина дать показания.

* * *

Следствие и суд над Сергеем Ковалевым были проведены не в Москве, а в Вильнюсе; Ковалева судил Верховный суд Литовской ССР, но обвинение предъявлено по ст. 70 УК РСФСР.

Очевидно, власти хотели меньше свидетелей процесса.

В Москве вечером 8 декабря, накануне начала суда, сотрудниками КГБ были задержаны Т. Великанова, Т. Ходорович, М. Ланда, когда они ехали на Белорусский вокзал к поезду на Вильнюс. Их продержали по нескольку часов в районных отделениях милиции, предъявив при задержании смехотворные обвинения, которые потом даже не повторялись, и отпустили, когда поезд на Вильнюс ушел, предупредив, чтобы они не делали попыток снова уехать. Все дни процесса за ними была установлена круглосуточная нескрываемая слежка.

В Вильнюсе перед прибытием московского поезда утром 9 декабря на перроне вокзала работники КГБ забрали А. Терлецкаса, В. Пяткуса и В. Смолкина, заподозренных в намерении встретить москвичей, приехавших на суд. Всех троих продержали в КГБ полдня и потребовали, чтобы они не появлялись в здании суда.

Накануне процесса нескольким вильнюсским евреям, которым до сих пор отказывали в разрешении на выезд, сообщили, что их дела направлены на пересмотр, и пятерым было выдано разрешение на выезд. От них потребовали, чтобы они не приходили в суд.

Утром 9 декабря в здании суда было 20-30 литовцев, многие приехали на суд из других городов. Их, как и приехавших москвичей и ленинградцев, не пустили в зал заседания. На суд, который официально считается открытым, были допущены только родственники подсудимого, вся остальная публика проходила по специальным пропускам. К В. Яугялису (Хр. 34, 36), пытавшемуся пройти в зал, подошел один из дежуривших в вестибюле работников КГБ и потребовал, чтобы тот ушел. В.Яугялис остался стоять против дверей зала. Его увели и посадили на 15 суток "за неподчинение и оскорбление милиции". Но 12 декабря, опасаясь ухудшения здоровья, его выпустили (В.Яугялис незадолго до этого вышел из больницы после операции по поводу рака, в мае 1975 г. он был актирован из лагеря).

Юрявичус, приехавший на суд, был отправлен по месту жительства в Шауляй.

Полагают, что в Литве перед началом и во время процесса было задержано несколько десятков человек.

Начиная со второго дня процесса, литовцев, заподозренных в желании попасть на суд или хотя бы в интересе к нему, старались не подпускать к зданию суда, а тех, кто сумел войти в здание, — выгоняли. В вестибюле и в коридорах дежурили свыше 20 сотрудников КГБ — явных и тайных. "Оператив-

ной работой” руководили почти постоянно находившиеся в здании суда полковник Круглов и подполковник Балтинас. Отряд милиционеров возглавлял полковник, начальник городской милиции.

В судебное заседание не был допущен канадский корреспондент Леви. Он безуспешно ссылаясь на то, что советские корреспонденты в Канаде могут посещать суды, а также на договоренность в Хельсинки о беспрепятственной работе журналистов.

9 декабря академик А. Сахаров, приехавший в Вильнюс и вместе с другими не допущенный в зал суда, обратился с заявлением в Верховный суд Литовской ССР — к председателю суда по делу С.А. Ковалева и к самому Ковалеву, как лицу, осуществляющему защиту по собственному делу. Сахаров просил вызвать его свидетелем по делу Ковалева; в его заявлении говорится:

”Зная Ковалева много лет, я хочу засвидетельствовать в судебном заседании его исключительную честность и добросовестность, его преданность законности, справедливости, защите прав человека и гласности. Мое глубокое уважение к С.А. Ковалеву выразилось в моем приглашении его в качестве почетного гостя на Нобелевскую церемонию в г. Осло 10 декабря 1975 г.

Я знаю, что Ковалеву инкриминируется передача в иностранную прессу материалов о положении политзаключенных в СССР, оглашенных 30 октября 1974 г. на состоявшейся под моим председательством пресс-конференции. Эти материалы были переданы фактически именно мною. Я принимаю на себя полностью ответственность за это действие и хочу подтвердить это в судебном заседании.

Я являюсь также соавтором фигурирующего в деле письма Председателю КГБ с требованием о возвращении принадлежащей Ковалеву С.А. книги Солженицына ”Архипелаг ГУЛаг”.

Я принимал участие в составлении многих коллективных обращений, инкриминируемых С.А. Ковалеву в качестве клеветнических. Такая квалификация наших совместных коллективных обращений представляется мне неправильной, я хочу в судебном заседании разъяснить и аргументировать свою точку зрения.”

12 декабря, ожидая приговора суда, друзья Ковалева сделали заявление, в котором подробно описывают, как и за что судят Ковалева, в какой обстановке проходит суд и с какими нарушениями процессуальных норм. Этот суд называется в заявлении ”не более чем пародией на правосудие”.

Каждый день у дверей зала заседания возникали словесные перепалки, работники КГБ и их помощники грубо нападали на А.Д. Сахарова и др. друзей Ковалева. 12 декабря, когда суд закончился, в вестибюле, а потом и на улице, такая пере-

палка стала особенно острой. Некоторые из "охранителей порядка" попытались даже спровоцировать "физические действия". Но был и такой эпизод. Один из тех, кто вышел из зала, проходя мимо Сахарова, тихо сказал: "Извините, его судили не литовцы".

* * *

18 декабря 1975 г. в Москве состоялась пресс-конференция, посвященная Ковалеву и суду над ним.

Прессе для опубликования была передана подборка документов: заявление А. Сахарова в Верховный суд Лит. ССР от 9 декабря 1975 г., заявление профессора В. Кирпичникова судье Игнотасу от 11 декабря 1975 г.; жалоба свидетелей В.М. Маресина, А.А. Мизякина, В.Ф. Турчина, М.М. Литвинова, Ф.П. Ясиновской Генеральному Прокурору Лит. ССР, их же заявление Председателю Верховного суда Лит. ССР от 10 декабря 1975 г.; телеграмма директора института цитологии Трошина начальнику канцелярии Верховного суда Лит. ССР; речь государственного обвинителя Бакучониса, запись утреннего заседания третьего дня судебного процесса.

Выступая на пресс-конференции, академик А. Сахаров сказал:

"Я хотел бы отметить прежде всего, что Ковалев осужден за защиту, по велению совести, других людей, ставших, по его глубокому убеждению, жертвой несправедливости. Ни цели подрыва советской власти, ни клеветнический характер его действий обвинение не доказало. Суд был вызывающе незаконным — без гласности, без прений сторон, без защиты и подсудимого, без его последнего слова.

Ковалев долго и тщательно готовился к опровержению предъявленных ему обвинений, и в первую очередь обвинений, относящихся к "Хронике текущих событий". В семи инкриминируемых ему номерах "Хроники" содержится 694 эпизода. Обвинение исследовало 172 из них. В отношении 11 эпизодов Ковалев не исключает возможности ошибки. Он собирался доказать, что все эти ошибки не носят преднамеренного, клеветнического характера. 89 эпизодов признало точными даже следствие, в 72 случаях Ковалев собирался доказывать отсутствие ошибок в сообщениях "Хроники". Но ему не пришлось даже приступить к выполнению этой задачи, и мы не скоро узнаем его, без сомнения, глубоко продуманные и убедительные аргументы.

На суде фигурировало около 7 эпизодов, которыми обвинение хотело доказать клеветнический характер "Хроники". Сегодня мы в состоянии утверждать, что лишь в одном или двух малозначительных случаях обвинению удалось поставить под сомнение достоверность сообщений "Хроники".

Арест и осуждение Ковалева — вызов советскому и мировому общественному мнению.

Власти — после Хельсинки и во время Нобелевской церемонии — явно хотели продемонстрировать твердость и силу, позволяющую пренебрегать даже собственными законами. Оставить этот вызов без ответа — значит предать выдающегося человека, но и важнейшие принципы, от которых зависит столь многое. Требовать отмены приговора Ковалеву — вот единственный возможный ответ.”

СУД В ТАЛЛИНЕ

С 21-го по 31-е октября 1975 г. Верховный суд Эстонской ССР рассматривал в Таллине дело по обвинению Сергея Солдатова, Калю Мяттика, Матти Кийренда, Артема Юскевича и Арво Варато в ”антисоветской агитации и пропаганде”. (Об их аресте и о ходе предварительного следствия рассказывала Хр. 36).

Председательствовал на суде заместитель председателя Верховного суда ЭССР Афанасьев. Народные заседатели: Бартелс и Вяливээр. Обвинитель — прокурор Кэстлер.

Солдатов отказался от адвоката после ознакомления с делом. Свой отказ он мотивировал тем, что на данном процессе адвокат не может защищать мировоззрение подсудимого, не входя в противоречия с официальными требованиями, предъявляемыми советским адвокатам.

Кийренд в начале процесса заявил: адвокат — коммунист не подходит для защиты по такому делу, поэтому он сам будет осуществлять свою защиту. 27 октября отказался от адвоката Мяттик. 28 октября, за 15 минут до выступления своего защитника, отказался от его помощи и Юскевич: ”Я хочу быть наравне с другими”. Подсудимого Варато защищал адвокат Кон.

Подсудимым инкриминировалось составление, размножение, распространение более сорока документов, в частности — ”Программы эстонского демократического движения”, ”Программы Эстонского национального фронта”, журналов ”Эстонский демократ” и ”Эстонский национальный голос” на эстонском языке, журналов ”Демократ” и ”Луч свободы” на русском языке, ”Меморандума Генеральной Ассамблее ООН”, ”Письма Генеральному Секретарю ООН К. Вальдхайму” (относительно двух последних документов в обвинительных заключениях сказано: ”Домогаясь вмешательства ООН в дела СССР, ... в 1972 г. принял участие в обсуждении, составлении, раз-

множении и хранении с целью распространения "Меморандума..." и "Письма..."), "Тактических основ демократического движения в СССР", статьи "Русский колониализм в Эстонии", "Хроники текущих событий", книг Н. Бердяева "Истоки и смысл русского коммунизма", А. Амальрика "Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?", М. Джиласа "Новый класс", А. Солженицына "Архипелаг ГУЛаг", повести Н. Аржака "Говорит Москва", чехословацкого манифеста 1968 г., "Две тысячи слов" (в октябре 1970 г. Калужский областной суд был вынужден исключить из обвинения Р. Пименова этот документ, после того как в ходе судебного следствия было доказано, что он распространялся в Советском Союзе официальными советскими организациями — Хр. 16).

Все перечисленное было изъято при обысках. На обысках были также изъяты пять пишущих машинок и фотоаппарат (в протоколе обыска у Солдатова значится лишь один изъятый предмет — пишущая машинка).

В начале процесса Солдатов заявил отвод составу суда, так как судебная коллегия, состоящая из коммунистов, не может объективно судить демократов. Отвод был отклонен. Мяттик ходатайствовал о приглашении на суд наблюдателей из ООН: в деле есть документы, касающиеся этой организации. Солдатов и Юскевич поддержали это ходатайство. Суд отклонил его.

Перед началом судебного следствия Мяттик потребовал "разобрать дело по существу": провести анализ документов, чтобы установить, действительно ли в этих документах содержится клевета. Председательствующий отказался выполнить это требование, заявив, что компетентные органы уже составили свое заключение, а спорные вопросы могут быть урегулированы в ходе процесса. Тогда Мяттик отказался участвовать в судебном следствии, оставив за собой право на защитительную речь и последнее слово.

Солдатов и Кийренд тоже отказались на суде от дачи показаний. Кийренд, кроме того, заявил, что отказывается от показаний, данных им на предварительном следствии (он тогда показал, что является автором проекта "Программы Эстонского демократического движения", и указал следствию место хранения своего проекта).

Варато признал себя полностью виновным в инкриминируемых деяниях. Как во время предварительного следствия, так и на суде он всячески помогал следствию.

Суд рассматривал показания 13 свидетелей. Четверо из них: П. Якир, В. Красин, Косарев (Хр. 11) и Тутремов — на суде не присутствовали. Косарев и Тутремов телеграфировали, что они не могут явиться на суд по состоянию здоровья и подтверждают свои показания, данные на предварительном следствии

На суде фигурировали показания Якира — как прежние (1972—1973 г.г.), так и новые. Упоминаясь также имена Гаврилова и Парамонова (Хр. 11), Болонкина и Балакирева (Хр. 30). Солдатов ходатайствовал о вызове в суд Якира, Гаврилова и Тутремова. В вызове Якира и Тутремова суд отказал, а о вызове Гаврилова вообще забыл вынести решение.

Из девяти свидетелей, допрошенных в зале суда, двое отрицали распространение обвиняемыми каких-либо антисоветских материалов, один — признав факт передачи "документа", заявил, что не считает его антисоветским, трое — подтвердили отдельные факты передачи инкриминируемых документов, один (машинистка) — подтвердил размножение некоторых документов, указав, однако, что факты, о которых говорится в этих документах, правдивы. Одного свидетеля (Июоста) подсудимые охарактеризовали как лжесвидетеля и провокатора. Насчет девятого свидетеля Юскевич еще в ходе предварительного следствия заявил ходатайство Прокурору ЭсССР о проведении психиатрической экспертизы. Ответа на это ходатайство Юскевич не получил.

Во время предварительного следствия в Москве допрашивали по этому делу также А. Амальрика; он отказался отвечать на вопросы.

В обвинительной речи прокурор заявил, что деятельность подсудимых "наруку мировому империализму", что "так называемое демократическое движение в СССР инспирировано из-за границы" и что "первоначальная программа этого движения была составлена в ЦРУ в 1968 году". Перечислив инкриминируемые подсудимым "эпизоды", он заявил, что они доказаны изъятыми при обыске материалами, показаниями свидетелей, показаниями подсудимого Варато и признанием некоторых эпизодов подсудимыми Кийрендом и Юскевичем. Прокурор потребовал для Мяттика 7 лет лишения свободы и 3 года ссылки, для Солдатова — 6 лет лишения свободы и 4 года ссылки, для Кийренда — 5 лет лишения свободы, для Юскевича — 4 года. Для Варато он просил условного осуждения на 3 года с пятилетним испытательным сроком.

В защитительной речи защитник подсудимого Варато просил смягчения наказания для своего подзащитного в связи с тем, что он единственный из всех подсудимых полностью признал свою вину, чистосердечно раскаялся и активно помогал следствию.

Юскевич в своей защитительной речи опровергал большую часть инкриминируемых ему эпизодов. Признав некоторые эпизоды, он отметил, что это признание касается самих фактов, но не их содержания, ибо его действия в этих эпизодах находятся в полном соответствии с правами, гарантированными Конституцией СССР, а обвинение, наоборот, построено на

чересчур вольном толковании Конституции. Статья 68 УК ЭССР (ст. 70 УК РСФСР) является, заявил он, антиконституционной. Юскевич сказал, что он не считает себя участником и, тем более, руководителем какого-либо "движения" и что "демократом" он стал лишь с момента ареста. В конце речи Юскевич отметил ненормальные условия содержания подследственных: грубость персонала, плохое питание, психологическое давление со стороны следователей.

Кийренд в своей речи заявил, что в основе деятельности эстонских демократов лежали Конституция СССР и Всеобщая декларация прав. Целью демократов было не свержение советской власти или клевета на нее, а устранение отдельных недостатков. Они хотели мирным путем бороться за демократические свободы. Он заявил также, что инкриминируемые материалы не считает ни антисоветскими, ни клеветническими и поэтому виновным себя в нарушении Уголовного кодекса не признает. Кийренд сказал, что большую часть показаний на предварительном следствии он дал под сильным психологическим давлением, которому не смог противостоять ввиду своего болезненного состояния. Эти показания не соответствуют действительности и он отказался от них на суде, но суд, несмотря на это, ссылается на них. Кийренд сказал также: "Считаю нужным указать на недостойное, если не сказать — подлое, поведение Варато. Приобретенная такой ценой свобода будет тяжким бременем и для него, и для его семьи."

Мяттик в своей защитительной речи заявил, что инкриминируемые материалы не являются клеветническими, поскольку все изложенные в ней факты взяты из советской прессы. Поэтому они не подпадают под статью 68 УК ЭССР и виновным он себя не признает. Как курьез, Мяттик отметил, что в обвинительном заключении клеветническим назван документ, в котором осуждается жестокость царского правительства в 1905 году.

Солдатов сказал о себе, что он гуманист и верующий. Его деятельность была мирной борьбой за демократические свободы; она не была направлена против Советской власти. О недостатках, против которых он боролся, он пытался говорить и открыто: в мае 1974 г. он написал письмо Андропову, но не получил ответа. Как русский, живущий в Эстонии, он сожалеет, что отношения между русским и эстонским народами "чем-то затемнены"; он считает, что исправление этих отношений зависит главным образом от русских, и своей деятельностью он пытался хоть в какой-то мере искупить вину русских. Виновным в уголовном преступлении Солдатов себя не признал.

В последнем слове Юскевич заявил, что считает себя материалистом, убежденным марксистом-ленинцем, коммунистом.

Всю жизнь он критиковал недостатки, и никогда это не называлось "антисоветской деятельностью". Он сказал, что их процесс политический и через 10–15 лет его так же будут стыдиться, как сейчас стыдятся процессов 30-х и 40-х годов. Он сказал: "Я жил обеспеченно и мог бы жить тихо, но этого мне не позволили мои убеждения. Меня сделали демократом 13 декабря 1974 года, я им никогда не был и после выхода из тюрьмы никогда не буду заниматься демократической деятельностью. Я хочу нянчить внуков и спокойно жить." Он сказал также, что виновным по уголовному делу считает себя частично и может смело и честно смотреть любому в глаза. В последнем слове, как и в защитительной речи, Юскевич много цитировал Ленина.

Кийренд в последнем слове просил суд учесть, что единственной целью его и его товарищей было устранение недостатков в нашем обществе.

Мяттик в последнем слове пытался развить идею о том, что движущей силой является не столько пролетариат, сколько интеллигенция, а еще больше те люди, которые на протяжении веков боролись за свободу и права человека. Он сказал: "Диктаторские режимы — бедствие для человечества. Наводнения, землетрясения, чума не принесли человечеству столько вреда, сколько диктаторские режимы. Коммунисты не могут считать себя авангардом общества". Мяттик сказал, что нынешний суд своим существованием обязан тем инакомыслящим, которые во все времена самоотверженными усилиями двигали общественное развитие: "Если бы не было восстания Разина, других народных движений, революций, в том числе 1905-го и 1917 г.г., то нынешних судей, может быть, и сегодня выменивали бы на борзых щенков и скаковых лошадей." Мяттик заявил: "Одно то, что здесь судят эстонских демократов, доказывает, что их позиция вызывает к себе серьезное отношение". Он сказал, что всегда будет бороться за свободную и независимую Эстонию.

Солдатов в последнем слове сказал: "Честный идеалист не может быть подрывным или вредным элементом. Я бы мог, как другие, сослаться на плохое здоровье и тяжести жизни, но это есть в деле и суд это знает. Я только прошу суд быть снисходительным к судьбе моих товарищей. Я всегда стремился к улучшению жизни, а не к подрыву ее".

Варато в последнем слове выразил раскаяние, понимание, сожаление и признание. Он просил суд о легком наказании.

Суд приговорил Мяттика и Солдатова — к 6 годам, Кийрэнда и Юскевича — к 5 годам лагерей строгого режима. Варато суд определил меру наказания, которую просил прокурор. Суд вынес частное определение, в котором просил Прокуратуру возбудить уголовное дело против свидетеля Хейнасто за отказ от дачи показаний.

Обвинительное заключение предъявляло также и ст. 70 УК ЭССР ("Организационная деятельность... , а равно участие в антисоветской организации"), но государственный обвинитель отказался от обвинения по этой статье. Мяттику инкриминировался один эпизод по ст. 207 УК ЭССР ("Незаконное хранение оружия..."). Приговор по этой статье поглотился "основным" приговором.

Процесс был открытым, однако почти весь зал, как всегда, был заполнен специально приглашенными. Все же, кроме родственников, в зал пустили и некоторую часть просто желающих. Не разрешили войти в зал никому из преподавателей и студентов Таллинского политехнического института, где в разное время работали до ареста Мяттик и Солдатов.

Все обвиняемые были подвергнуты судебно-психиатрической экспертизе. Солдатов прошел даже две экспертизы: в Таллине, где его, как и 7 лет назад, признали невменяемым (Хр. 11), и в Москве в Институте им. Сербского (Хр. 36). Мяттика тоже возили на экспертизу в Институт им. Сербского.

СУД НАД ТЫМЧУКОМ

30 декабря в Одессе состоялся суд над Леонидом Тымчуком по обвинению его в хулиганстве.

4 ноября, когда Тымчук возвращался с работы, он был схвачен на улице и посажен в стоявший неподалеку микроавтобус, там уже сидели две женщины — "потерпевшие" и несколько "свидетелей". В отделении милиции был составлен протокол: оскорблял женщин, дрался, сквернословил, сопротивлялся милиции. Тымчука осудили на 15 суток.

19 ноября Тымчук освобожден, а 23 ноября повторилось то же самое: его схватили в поздний час на пустынной улице и на милицейском автобусе, где уже ждали новые свидетели и потерпевший, доставили в милицию. Снова его обвинили в хулиганстве, но теперь уже возбудили уголовное дело.

Друзья Тымчука отправили в районную и областную прокуратуры заявление, в котором они свидетельствуют, что Тымчук — непьющий, воспитанный, корректный человек, он "не мог хулиганить на улице, не мог кому-либо нахамить, не мог никому причинить обиду."

Это заявление подписали 6 человек: учительница Голумбиевская (Хр. 37), оператор Донцова, библиотекарь Михайленко, пенсионерка Баренбойм, модельер Коптева, токарь Крюков.

Сам Тымчук, скрупулезно и подробно излагая случившее-

ся, завершает изложение выводом: "Руководит этими людьми (участниками обоих задержаний — Хр.) одна рука — рука УКГБ."

На суде Тымчук уточняет: за ним велась слежка, в квартире он обнаружил подслушивающее устройство (Хр. 35); "меня судят потому, что я много читал, делал из прочитанного выводы, думал, знакомился с такими людьми, как Сахаров. Это не нравилось КГБ... Сотрудник КГБ Граждан пригрозил мне: если будете много шуметь, мы вам устроим неприятности через милицию". Вызванные по ходатайству Тымчука свидетели Голумбиевская и Городеццев подтвердили, что сами видели слежку за Тымчуком. Эти свидетели дали положительные характеристики Тымчуку: "Всегда с книгой в руках..."; "Не мог совершить хулиганский поступок".

"Потерпевшие" и свидетели обвинения повторяют версию, вошедшую в милицейские протоколы и обвинительное заключение. В их показаниях на следствии и на суде имеются противоречия, неясности; адвокат Молчан считает сомнительными их объяснения насчет того, как они оказались на месте происшествия. Тымчук и его защитник настаивают на вызове неявившегося свидетеля — шофера Токаря, в первоначальных показаниях которого на следствии говорилось: "Как написать объяснение, мне подсказал работник милиции". Ходатайство о вызове Токаря судом отведено.

Адвокат Молчан потребовала оправдательного приговора. Суд признал Тымчука виновным и приговорил его к году исправработ по месту работы с удержанием 20% заработка; у Тымчука отобрали подписку о невыезде.

Хроника напоминает: Леонид Тымчук, 40 лет, матрос Одесского морского порта, — автор открытого письма в поддержку обращения Л. Богораз и П. Литвинова "К мировой общественности" (1968 г.); он подписал несколько коллективных открытых писем на актуальные общественные темы, в том числе — "Московское воззвание" (1974 г., Хр. 32). В 1974 г. Одесское УКГБ вынесло Тымчуку "Предостережение".

Накануне суда, 29 декабря, Тымчук отправил телеграмму на имя XXV съезда КПСС, требуя защитить его от произвола — либо дать возможность уехать в любую свободную страну.

КАССАЦИЯ ПО ДЕЛУ ОСИПОВА

9 декабря 1975 г. Верховный суд РСФСР рассмотрел кассационное дело Владимира Осипова (Хр. 37). Состав судебной коллегии: Луканов, Гаврилин, Осипенко. Прокурор Зверев.

Адвокат Волкова (г. Владимир). Обвиняемый не присутствовал.

В суде I -й инстанции Осипов не признал себя виновным. На заседании кассационного суда была зачитана его кассационная жалоба, в которой он вновь отвергает обвинение в клевете и в том, что он имел намерение повредить Советскому государству. Инкриминируемые ему письма и заявления, утверждает Осипов, осуждают, главным образом, суровые и необоснованные приговоры. Журнал "Вече" (шесть номеров, которые он редактировал) не содержит ни клеветнических измышлений, ни материалов, имеющих целью подрыв советского государства. Осипов отрицает инкриминируемую ему передачу материалов за границу.

Адвокат Волкова возражает против обвинения ее подзащитного в намерении подорвать или ослабить советский общественный строй. В статьях Осипова, считает она, может быть усмотрена клевета на советский строй, но без субъективного умысла. Волкова напоминает, что Осипов просил власти разрешить издание журнала "Вече", в 1972 г. сделал публичное заявление об издании журнала, сообщил об этом и следователю Плешакову. Но эти действия Осипова не были своевременно пресечены. Осипов считал, что православная вера спасет русский народ от повального пьянства (он опорочивал свой народ, обобщая отдельные недостатки отдельных граждан). Таким образом, его славянофильство было направлено против алкоголизма. Религиозность Осипова адвокат называет проявлением малодушия: после первого заключения он долгое время был без жилья, жил в тяжелых условиях — вот и порвал с атеизмом.

Волкова возражает против обвинения Осипова в авторстве некоторых статей, названных в приговоре, в редактировании 6-го и 9-го номеров "Веча", считает недоказанным факт передачи Осиповым журнала на Запад. Осипов, говорит она, из морально-этических соображений не стал называть других людей — авторов статей, участников издания и распространения журнала "Вече". Но из материалов дела известны имена и других лиц, ответственных за действия, инкриминируемые ее подзащитному.

Адвокат просит переквалифицировать обвинение по ст. 70 ч. II на ст. 190—I ; просит учесть, что Осипов имеет на иждивении двух малолетних детей; учесть и то, что он порвал с "Вече" задолго до ареста.

Прокурор Зверев в своей речи повторяет обвинения суда I -й инстанции. Он считает, что на следствии, признавая авторство всех инкриминируемых ему статей, подтверждая встречу с американским корреспондентом Броунингом, Осипов говорил правду; на суде он отказался от этих показаний, т.к. в

преддверии наказания попытался уйти от ответственности. Хотя Осипов и отмежевался от публикаций за рубежом, но из свидетельских показаний видно, что он радовался этому, да и сам был к этому причастен (свидетельства Добровольского и других), пользовался деньгами, полученными с Запада. Осипов был связан с Якиром, который сам всенародно осудил свою деятельность. Отщепенец, клеветущий на свой строй, осужден правильно: он опасен для государства.

Адвокат вносит несколько замечаний, касающихся отдельных эпизодов обвинения.

Верховный суд вынес определение: оставить в силе приговор суда I -й инстанции — 8 лет лагерей строгого режима.

СУД НАД ГРИГОРЬЯНЦОМ

В ноябре 1974 года прокуратура Бабушкинского района гор. Москвы возбудила уголовное дело по ст. 190¹ УК РСФСР против С.И. Григорьянца.

Сергей Иванович Григорьянц — 1941 г.р., литератор, в 1974 г. переехал с семьей из Киева в Москву.

4 марта 1975 г. С.И. Григорьянц был арестован. Предварительное следствие было закончено в середине июня. Следствие вел следователь прокуратуры Бабушкинского района Леканов. За две недели до окончания следствия Григорьянцу были предъявлены обвинения еще и по ч. 2 ст. 154 УК РСФСР ("Спекуляция") и по ст. 211 УК РСФСР ("Нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспорта лицами, управляющими транспортными средствами").

С 8 по 25 сентября Московский городской суд рассматривал дело Григорьянца. Председательствовала в суде судья Карева. Обвинителем был прокурор Поддубная. Защиту вел адвокат Л.А. Юдович. Дело Григорьянца по постановлению суда рассматривалось на закрытых судебных заседаниях (по мнению Хроники, это является нарушением ст. 18 УПК РСФСР). Поэтому в зале суда никого не было. Лишь жене и матери подсудимого после того, как они в самом конце судебного следствия дали показания в качестве свидетелей, разрешили остаться в зале.

По ст. 190¹ Григорьянцу инкриминировалась продажа московскому литературоведу Н.П. Смирнову нескольких номеров журнала "Грани", несколько номеров альманаха "Мосты" и изданного в Оксфорде каталога зарубежных изданий на русском языке за 1971 год. В приговоре обвинение по ст. 190¹ обосновывалось показаниями Н.П. Смирнова и самого Григорья-

янца. Суд не рассматривал вопроса о том, действительно ли в инкриминируемых "документах" имеются "ложные измышления, порочащие ...". Тем не менее, приговор обосновывал "заведомую ложность" тем, что письмо, в котором подсудимый писал об этих "документах", он пытался передать за границу тайно.

По ст. 154 Григорьянцу инкриминировалось 3 эпизода с перепродажей рисунков и картин. Григорьянц не признал себя виновным по этим эпизодам. Он заявил, что все эти эпизоды не выходят за рамки обычной деятельности коллекционеров, т.е. обмена одних предметов на другие и освобождения коллекции от ненужных предметов. Суд не согласился с аргументацией подсудимого и защиты: все эти эпизоды вошли в приговор. Вторая часть ст. 154 обосновывалась "крупным размером" спекуляции.

Обвинение по ст. 211 суд признал недоказанным.

Суд приговорил Григорьянца по ст. 190¹ — к 3 годам, по ч. 2 ст. 154 — к 5 годам лагерей усиленного режима с конфискацией имущества. Итоговый приговор совпадает с приговором по ст. 154.

ДЕЛО ВЯЧЕСЛАВА ИГРУНОВА

В.В. Игрунову грозит специальная психбольница. Насколько "Хронике" известно, последние три года такие приговоры по "политическим" делам не выносились.

Ниже излагается хроника следствия по делу Игрунова, включающая (для удобства читателя) и те эпизоды, о которых уже сообщалось (Хр. 34—37).

В начале августа 1974 г. доцент Одесского университета, доктор филологических наук Алексеев—Попов был остановлен на улице агентами КГБ. "Нам известно, — сказали ему, — что у Вас есть экземпляр "Архипелага ГУЛаг". Вы должны немедленно сдать его в Комитет госбезопасности." Алексеев—Попов так и сделал.

При этом он то ли подтвердил, то ли сам сообщил, что книгу дал ему его знакомый, молодой историк Глеб Павловский.

Когда Павловского вызвали на допрос, он дал показания, что книгу он получил от Вячеслава Игрунова.

* * *

Вячеслав Владимирович Игрунов, 1948 г.р., сын бывшего крупного партийного работника. Учился в Одесском институте народного хозяйства. В 1973 г. в связи с рождением ребенка оставил учебу. Работал на фабрике народных худо-

жественных промыслов мастером, потом — начальником цеха. Последний год работал электриком.

В поле зрения Одесского ГБ попал давно — с 1968 г. Тогда его вызывали по поводу его интереса к чешским событиям. Было известно, в частности, что он отправил кому-то по почте русский перевод "2000 слов".

* * *

Павловского несколько дней подряд допрашивали об Игрунове, но самому Игрунову об этом не было известно. 9 августа Игрунова задержали и отвезли на допрос. Игрунов отрицал показания Павловского, требовал очной ставки. В это же время в его доме происходил обыск.

Безо всякого ордера был изъят самиздат, в том числе статья В. Мороза "Репортаж из заповедника имени Берия", доклад Хрущева на XX съезде. За домом установили слежку.

14 августа к Игрунову приехал его друг, физик Олег Курса. В отсутствие хозяев в дом вновь пришли кагебешники и застали Курсу за чтением самиздата. Изъято: "Архипелаг ГУЛаг", "Все течет" Гроссмана, фотопленка книги Авторханова, двухтомник О. Мандельштама. Курса показал, что книги купил в Симферополе с рук, а пленку ему подарили, что на ней — он не знает.

Во второй половине августа — допросы Игрунова и Курсы. По показаниям Павловского допрашиваются также С. Арцимович (жена Игрунова), А. Катчук, В. Судаков, С. Макаров, Ю. Шуревич.

3 сентября Игрунову, Курсе и Павловскому выносятся "Предостережение" по Указу за "приобретение, хранение и распространение литературы идейно вредного и антисоветского характера". Игрунов протокол "Предостережения" подписать отказался.

4 сентября Игрунова вызвали на беседу, где он получил от неизвестного работника органов менее официальное "предостережение": "Вы — не Чалидзе, не Солженицын и не Сахаров. Мы найдем на Вас управу!"

Затем затишье до февраля.

* * *

В середине февраля 1975 г. на метеостанцию в пос. Золотое поле (Крымская обл.) явились работники КГБ. Они вызвали инженера-метеоролога Валерия Резака и предложили ему проехать с ними к нему домой — для обыска. Резаку удалось предупредить жену и затянуть время (он показывал оперативникам дорогу). Однако жена не сумела уничтожить фотопленки с самиздатом. (Она попыталась их сжечь, пленка же не горит, а плавится. Их проще окунуть в кипяток, чтобы смылась эмульсия — Хр.)

Изъяты: пленка с Авторхановым, Солженицыным, много

другого самиздата, фотооборудование. Супругов Резак отвезли в Симферополь в гостиницу и 4 дня подряд допрашивали по 8-9 часов каждый день.

В. Резак заявил, что пленки получил от Игрунова, который привез их из Москвы. По словам Резака, он ругулярно в течение ряда лет по заказу Игрунова размножал произведения Самиздата — от нецензурированного "Мастера и Маргариты" Булгакова до "Архипелага ГУЛаг". Аналогичные показания он дал против А. Рыкова, О. Курсы, Э. Зильбермана, В. Тельникова (последний в 1971 г. покинул СССР). Сам Резак занимался этим ради заработка.

* * *

1 марта — обыск у Игрунова. Изъяты: "Хроника текущих событий" (вып. 32), рукопись именного указателя к этому выпуску, пишущая машинка, фотолаборатория, материалы съездов ВКП (б).

После обыска Игрунова арестовали.

В тот же день в Одессе проведены обыски у А. Катчука, Ю. Шуревича, П. Ошеревича — все безрезультатные (у Катчука изъяли две пишущие машинки в нерабочем состоянии).

2 марта в г. Калининне — обыск у О. Курсы, также безрезультатный.

11 марта — обыск у А. Рыкова (в Москве).

* * *

11 марта — очная ставка между Резаком и Игруновым. Резак продолжает давать показания. Игрунов от участия в следствии отказывается, заявив, что не считает свою деятельность ни антисоветской, ни незаконной.

В марте — обыск (или, может быть, процедура под названием "выемка") у В. Коробко — родственника Курсы и знакомого Игрунова. Ему предложили выдать следствию литературу, принадлежащую Игрунову. Коробко согласился и выдал книги советского издания из библиотеки Игрунова.

В середине марта в Одессу вызвали Олега Курсу. 3 дня его допрашивали. Курса настаивал на своих прошлогодних показаниях.

20 марта — обыск у родителей Игрунова, на квартире которых Вячеслав с женой жили примерно за год до ареста. Изъят самиздат, в том числе — "Технология власти" Авторханова.

Первая половина апреля. Трижды допрашивалась Светлана Арцимович — жена В. Игрунова. Темы допросов — происхождение изъятых на обыске материалов, знакомства Игрунова, в частности, среди москвичей, обстановка на предыдущей работе Игрунова.

Ведутся поиски некоей "библиотеки Самиздата", находящейся вроде бы в Одессе.

* * *

Апрель-май. Допросы Павловского, Катчука, родителей Игрунова, его сестры, бывших работников мастерской, начальником которой он был. Впервые возникают вопросы о "странностях" в поведении Игрунова.

15 мая. Допрос Светланы Арцимович. Ей предложены 4 вопроса:

— Зачем у Игрунова в доме было 40 пачек фотобумаги?

— Какие связи вне Одессы, в частности, в Москве, были у Игрунова?

— Был ли он знаком с В. Хаустовым, Л. Богораз, Ю. Шихановичем?

— Чем болел Вячеслав?

(На первых допросах С. Арцимович отказывалась участвовать в следствии. Затем она согласилась отвечать на вопросы — при условии, что ей дадут свидание с мужем. Ей это обещали. Однако когда выяснилось, что она не намерена при этом "помогать" следствию, обещание было взято назад.)

После очередных "неудовлетворительных" ответов Арцимович следователь Граждан заявил: "Раз вы не желаете разговаривать по-хорошему, мы сейчас приедем к вам на обыск" (ордер на обыск был, однако, уже у него в руках).

На обыске были изъяты магнитофон, фотоаппарат, записные книжки, личная переписка, черновики, просмотренные и оставленные 1 марта.

* * *

В июне стало известно, что Игрунов находится на психиатрической экспертизе в 14-м отделении Одесской областной психиатрической больницы. Официально об этом ничего не сообщили, передачи для Игрунова принимали в тюрьме.

Экспертиза не вынесла никакого решения: 2 голоса было подано за шизофрению, трое экспертов не пришли к определенному мнению.

В конце июня или в начале июля Игрунов отправлен в Москву, в Ин-т Сербского.

* * *

В середине июля в Одессу вызвали Резака (из Крыма) и Курсу (из Калинина). 19-го июля им устроили очную ставку. Резак подтверждал свои прежние показания.

Олег Курса заявил об отказе от участия в процедуре следствия, мотивируя это так же, как и Игрунов.

Всего с марта по июль было допрошено около 30 человек в Одессе, Москве, Ленинграде и других городах. Все они, кроме Резака и Павловского, не дали никаких показаний против В. Игрунова. Павловский позднее заявил, что отказывается от своих показаний.

* * *

Есть веские основания предполагать, что где-то в июле пси-

психиатрическая экспертиза Института Сербского признала Игрунова вменяемым. После этого Игрунов был, видимо, возвращен в тюрьму в Одессе, однако вскоре отправлен обратно в Ин-т Сербского.

В начале сентября жене Игрунова официально сообщили, что ее муж находится на психиатрической экспертизе в Москве.

В середине сентября Игрунова возвращают в Одессу с диагнозом "шизофрения". В экспертизе принимал участие Д.Р. Лунц, председательствовал, вероятно, Г.В. Морозов.

Акт экспертизы заканчивается практически важным выводом: "исключительно опасен".

* * *

2 октября следователь предложил С. Арцимович срочно искать адвоката для своего мужа.

Взять на себя защиту Игрунова согласился московский адвокат Абушахмин. Однако председатель Московской коллегии адвокатов Апраксин отказался выдать ему разрешение на поездку в Одессу. Об адвокате Поздееве, который также согласился защищать Игрунова, С. Арцимович разговаривала с Апраксиным сама. Апраксин категорически отказался выдать разрешение на поездку в Одессу кому-либо из московских адвокатов, "да еще по такому делу". Когда Арцимович сослалась на недавний прецедент — адвокату Швейскому разрешили защищать М. Джемилева (см. наст. выпуск) — Апраксин заявил: "Это была ошибка, которая больше не повторится".

В конце концов был заключен договор с ленинградским адвокатом Лесько.

* * *

В середине октября Светлане Арцимович вернули часть изъятого на обысках: пишущую машинку, фотопринадлежности, фотоаппарат, магнитофон, все книги, изданные в СССР. По ее требованию все эти вещи доставили на дом.

* * *

28-30 октября адвокат Лесько ознакомился с делом и сказал Арцимович, что, поскольку исход предрешен — или психбольница общего типа или спецпсихбольница, он не видит смысла в своем дальнейшем участии в деле.

Игрунов, как невменяемый, с делом не знакомился. Адвокат ни разу не виделся со своим подзащитным.

* * *

8 декабря началось чтение дела в распорядительном заседании суда. Суд был назначен на 22 декабря. Незадолго до этого был заключен договор с ворошиловоградским адвокатом Н.Я. Нимириной.

Интересно, что, хотя Игрунова обвиняют по ст. 187¹ УК УССР (=190¹ УК РСФСР), дело велось не прокуратурой, а Одесским УКГБ. Основные следователи — ст. следователь КГБ капитан И.А. Шалагин и следователь ст. лейтенант Н.С. Граждан.

Ознакомление с делом также происходило в здании Одесского УКГБ.

* * *

22 декабря "в связи с болезнью эксперта" суд был отложен на неопределенное время.

ЛЕОНИДА ПЛЮЩА ОТПУСКАЮТ ЗА ГРАНИЦУ

В октябре на Западе вновь проходили митинги и демонстрации в защиту Леонида Плюща. Мальва Ланда в своем письме призвала участников этих выступлений не ослаблять своих усилий, добиваясь освобождения Л. Плюща. Послание с выражением признательности за участие в судьбе Плюща направили Татьяна Ходорович и жена Плюща Татьяна Житникова.

К участникам митинга, состоявшегося 28 октября в Париже, обратился А. Сахаров.

"Сегодня весь мир знает Леонида Плюща, доброго и мужественного человека, на чью долю выпало самое страшное испытание — пытка в сумасшедшем доме. У истоков трагедии Плюща и сотен других узников специальных психиатрических больниц — господствующая в обществе идеологическая нетерпимость, беспринципность, эгоизм или трусость тех, в чьих руках оказались их судьбы. Именно эти причины породили тот тип мышления и поведения Снежневского, Морозова, Дышеля и подобных им, который сделал возможным решение о направлении тонкого и гуманного мыслителя в ад спецпсихбольницы. Те же причины породили привычку к жестокости, грубости и произволу у исполнителей этих решений. И они же породили циничных и безжалостных закулисных дирижеров, попирающих самую основу человеческой жизни — разум.

Но преступления против разума угрожают всему человечеству. В эпоху разрядки — они анахронизм, которого не должно быть.

Помогите вырвать Плюща из рук мучителей. Вы защитите не только одного человека, но и принципы Разума и гуманности, защитите тем самым будущее всех нас и наших детей."

* * *

27 октября Т. Житникова обратилась к Министру здравоохранения СССР Петровскому с просьбой содействовать ей и мужу в отъезде из СССР. Она высказала опасения, что лечение ее мужа в Днепропетровской спецпсихбольнице может привести к необратимым отрицательным последствиям.

Между тем, 21 ноября очередная комиссия продлила принудительное лечение. Но через неделю Житникову вызвали в республиканское Министерство здравоохранения и сообщили

ей, что ее ходатайство удовлетворено: она может с мужем и детьми уехать в Израиль.

4 декабря ОВИР принял документы Житниковой и детей, но сроки оформления документов самого Плюща все время переносились. Только 24 декабря в ОВИРе Житниковой сказали, чтобы она подала начальнику больницы просьбу о внеочередной комиссии "в связи с улучшением здоровья Л.И. Плюща" (в декабре ей сообщали из больницы об улучшении его физического и психического состояния).

После этого начальник ОВИРа Сифоров лично обеспечил проведение всех формальностей в ускоренном темпе и в максимально благоприятных условиях. Так, он сам взялся передать в облсуд заявление об установлении опекунства "для продолжения лечения в амбулаторных условиях", а пока принял бумаги в таком виде, как бы опекунство уже было оформлено. 30 декабря были выданы визы со сроком выезда 10 января.

Полагают (так думает и Т. Житникова), что разрешение на эмиграцию было дано в результате большой и длительной общественной кампании на Западе в защиту Плюща, причем важную роль сыграло недавнее обращение ЦК французской компартии к советскому руководству по поводу положения Леонида Плюща.

НАСИЛЬСТВЕННАЯ ГОСПИТАЛИЗАЦИЯ

20 октября вновь, в третий раз с 1970 г., насильственно помещен в психбольницу ленинградский инженер Анатолий Дмитриевич Пономарев (первоначальные сведения о нем см. в Хр. 26). Освобожденный осенью 1973 г. из спецпсихбольницы на Арсенальной, через год он был вновь принудительно госпитализирован в психбольницу 3 (общего типа), в буйное отделение. Летом 1975 г. его выпустили, но на свободе он пробыл всего три месяца. На свободе Пономарев написал несколько протестов и открытых писем — и в советские инстанции, и на Запад — о совершавшихся по отношению к нему беззакониях, что и послужило причиной последней госпитализации. Свидетелем этого мероприятия был М.С. Бернштам. "Хроника" располагает сделанной им записью, которая приведена здесь в сокращенном виде.

"...20 октября А.Д. Пономарев отправился на очередной ежемесячный осмотр к своему лечащему врачу Л.Ф. Ломовцевой в районный психдиспансер. Ломовцева пригласила его в свой кабинет, а как только дверь за ним закрылась, тут же вышла снова и громогласно, на виду и на слуху всей скопившейся в коридоре публики, крикнула троим приготовившимся

молодцам: "Вот он! Берите его! Быстро!". Дальнейшее произошло отработано скоро. Трое в ватниках вбежали в кабинет, оттуда раздались звуки ударов и крики. Трое крутили А.Д. Пономарева, врачи стояли поодаль. Анатолий пытался вырваться. Тогда один из крутивших резко и точно, с уверенной силой ударил его в солнечное сплетение. Пономарева, уже без сознания, поволокли по лестнице к поданной к подъезду машине. На все это ушло не более полутора минут. М.С. Бернштам, вошедший в кабинет почти сразу за Пономаревым, был свидетелем всего описанного, но вмешаться не успел. Когда Пономарева уже вытаскивали из кабинета, Бернштам заявил присутствовавшим врачам, что он (назвав свою фамилию) является представителем Советского комитета защиты прав человека и фиксирует инцидент. Услышав это неожиданное, хотя и самозванное заявление, врачи растерялись. Опомнившаяся первой всех Ломовцева предложила М.С. Бернштаму проследовать к заместителю главного врача, где уже находилась мать А.Д. Пономарева.

Далее состоялась подробная беседа с заместителем главного врача психоневрологического диспансера Выборгского района Людмилой Дмитриевной Федосеевой.

Варвара Алексеевна Пономарева заявила, что она, как и ее сын, возражает против принудительного лечения, и привела в качестве аргумента его нормальное поведение дома, на работе, в общественных местах, отсутствие каких-либо жалоб на него.

Л.Д. Федосеева ответила, что мать не может судить о состоянии здоровья своего сына и что причиной его госпитализации и принудительного лечения являются его протестующие письма, мешающие работать ответственным инстанциям. Эти письма — симптом обострения болезни А.Д. Пономарева и, кроме этих писем, она ни в чем другом не выражается, поэтому его нормальное поведение не есть показатель его здоровья.

Бернштам : Что это за письма?

Федосеева: Ни я, ни лечащий врач этих писем не читали, но знаем их содержание. Это письма больного человека. Они не антисоветские, но в них А.Д. плохо отзывается о советском правительстве и вообще цинично говорит о наших руководителях.

Бернштам: Если Вы этих писем не читали, как же Вы нашли основания для госпитализации Пономарева?

Федосеева: Мы имеем сведения и оценку этих писем из компетентных инстанций.

Бернштам: Какие инстанции имеются в виду?

Федосеева: Вы же понимаете...

Бернштам: А все-таки?

Федосеева: Ну, работники КГБ.

Бернштам: Вы сказали, что письма — симптом обострения

состояния больного. Но насколько работники КГБ компетентны для такой оценки?

Федосеева: Они дают политическую оценку и звонят нам, советуя изолировать Пономарева, а нам для медицинского заключения достаточно знать о самом факте наличия антиправительственных писем, читать их нам не нужно.

Бернштам: Все-таки — диагноз по звонку из КГБ... Вы не читали документов, но назначаете лечение. Мне это непонятно.

Федосеева: Вы и не поймете — Вы ведь не специалист.

Бернштам: Все-таки что Вы знаете о письмах?

Федосеева: Они ругают наше правительство, написаны грубо, цинично, агрессивно, в возбужденном, больном состоянии и направлены в фашистские организации — правительству ФРГ и Пиночету.

Бернштам (к Ломовцевой): Вам, как лечащему врачу, не покажут письма вашего больного?

Ломовцева: Нет, так не делается.

Федосеева: Да Любови Федоровне просто стыдно будет их читать, они слишком циничные, зачем их ей читать?

На этом беседа была закончена.

На следующий день главврач диспансера Э.Я. Обольский сказал, что Пономарева будут долго лечить, так как он "склонен подпадать под чуждые влияния темных личностей", и без признания его недееспособным, без оформления опеки над ним — не выпустят.

По словам Федосеевой, письма Пономарева к истории болезни подшиты не будут и останутся в делах КГБ.

А.Д. Пономарев помещен в 8-е (буйное) отделение психбольницы №3 им. Скворцова-Степанова (Ленинград, Фермская ул., №36, заведующий отделением — Тобак).

АРЕСТ МИХАИЛА НАРИЦЫ

20 ноября в г. Елгава Латвийской ССР арестован 66-летний художник и писатель Михаил Александрович Нарича — автор опубликованного на Западе романа "Неспетая песня" и нескольких произведений, известных в Самиздате (Хр. 16). Это его четвертый арест. По первым двум приговорам (1935г. — 5 лет лагерей, 1949 г. — вечная ссылка) он был полностью реабилитирован в 1957 г. Третий арест (1961 г., передача за границу рукописи романа) завершился заключением в спецпсихбольницу. Сейчас М.А. Нариче предъявлено обвинение в "распространении заведомо ложных измышлений, порочащих советский строй". Ему снова грозит заключение в психбольницу.

С 1965 г. М.А. Нарича добивается возможности уехать из СССР. Университет г. Упсала (Швеция), куда он послал свое исследование "Рисование. Перспектива", приглашает его на работу. Но советские власти не разрешают ему выехать из страны.

В статье "Мое завещание" Нарича заявил, что отказывается от советского гражданства.

Возбуждено дело и против сына М.А. Наричи Петра. Он обвиняется в хулиганстве и сопротивлении властям: в день ареста отца он вывесил на окнах своей квартиры в Елгаве плакаты "Свобода и справедливость", "Статья 125-я Конституции".

В ЛАГЕРЯХ И ТЮРЬМАХ

День политзаключенного

31 октября в Москве была проведена пресс-конференция, посвященная дню политзаключенного в СССР. Впервые этот день отмечался политзаключенными и их друзьями год назад.

Участники пресс-конференции информировали журналистов о проекте статуса политзаключенного, составленном в лагерях Мордовии и Перми. Проект был подписан 71 политзаключенным и направлен в Верховный Совет СССР.

Политических заключенных авторы проекта определяют как лиц, осужденных к лишению свободы по политическим, национальным или религиозным мотивам. Основные положения проекта:

1. Отделение политзаключенных от остальных категорий осужденных. Заключенный должен содержаться на территории той республики, где были совершены инкриминируемые ему преступления.

2. Отмена принудительного труда. Создание нормальных условий труда для заключенных, желающих работать.

3. Заключенные не должны подвергаться наказанию голодом, холодом, сыростью, лишением постели и одежды (т. е. карцером — Хр.).

4. Право на свидание без ограничения их количества.

5. Право на религиозные обряды, на пользование религиозной литературой, на объединения по конфессиональному признаку.

6. Право на творчество.

7. Право на добросовестное медицинское обслуживание, независимое от администрации мест лишения свободы.

8. Право на переписку без ограничения.

Корреспондентам было передано также коллективное заяв-

ление, подписанное Т. Великановой, Ю. Орловым, Г. Подъяпольским, Т. Ходорович, В. Борисовым, А. Сахаровым, Г. Саловой, А. Лавутом. Впоследствии заявление поддержали Л. Богораз, Л. Алексеева, Н. Иванов, В. Родионов, Н. Лисовская, Н. Буковская, Л. Терновский, Е. Костерина, З. Григоренко.

В заявлении подчеркивается, что основные положения статуса политических заключенных содержат требования, применимые к любым заключенным. Статья Основ исправительно-трудового законодательства и Исправительно-трудового кодекса ("Исполнение наказания не имеет целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства") фактически не соблюдается. Вся практика исправительно-трудовой системы противоречит этой статье.

Авторы заявления требуют также

— дать заключенным возможность пользоваться помощью юристов,

— обеспечить действенный контроль общественности над условиями содержания в местах лишения свободы.

Переходя к положению политических заключенных, авторы говорят об особо тяжелых условиях, в которые они поставлены.

Трудности получения квалифицированной юридической помощи наиболее актуальны для политзаключенных. Юристам, согласившимся вести политические дела, чинятся препятствия.

"Встать на путь исправления" — для политзаключенного значит отречься от своих убеждений. Идеологическое давление администрация подкрепляет мерами физического воздействия — карцером, лишением посылок. Даже медицинская помощь ставится зачастую в зависимость от "оперативных соображений".

Тяжело положение политзаключенных и после освобождения — ограничения выбора места жительства, трудности с пропиской и работой. Почти каждый освободившийся проходит через административный надзор.

Авторы заявления подчеркивают, что советские узники совести не совершили, с точки зрения общепринятых правовых норм, никаких преступлений, и требуют пересмотра дел и освобождения всех осужденных по политическим мотивам. Они требуют освобождения находящихся под следствием по этим мотивам, в частности, С. Ковалева, А. Твердохлебова, В. Игрунова, М. Джемилева.

К заявлению был приложен очерк Мальвы Ланда "30 октября — день политзаключенных в СССР". Очерк богат фактическим материалом, который, в основном, знаком читателю "Хроники".

Два заявления Сахарова приурочены также к 30 октября. Первое посвящено положению бывших политзаключенных. Сахаров особо говорит об Анатолии Пономареве, 20 октября вновь помещенном в психбольницу, и Сергее Бабиче, который,

освободившись год назад, до сих пор не может найти средств к существованию.

Второе заявление — об осуждении Марии Флорескул за воспитание в религиозном духе ее племянника (см. наст. выпуск).

Дневник лагеря № 35

(Пермская область, апрель-сентябрь 1975 г.)

В апреле-мае у группы заключенных изъяты как "клеветнические" копии жалоб и заявлений в различные инстанции по разным поводам. Начальник спецчасти лейтенант Рогозов объяснил Антоюку, что это делается, "чтобы эти заявления не попали за границу".

Май. Прокурор Чусовского района Голдырев указал администрации лагеря на неправомерность снятий денег со счетов заключенных за их питание (деньги на содержание заключенных должны вычитаться непосредственно из их заработка — Хр.). Деньги были возвращены.

23 мая. Заключенный Смирнов отказался от личного свидания. Мотивировка: не захотел подвергать сестру унижению личного обыска.

25 мая. Из 36 л/п сюда переведен Вячеслав Петров.

26 мая. Длительные пререкания А. Альтмана с администрацией (Альтман пытался в лагере соблюдать предписания иудейской религии и носил бороду) закончились тем, что на Альтмана надели наручники и побрили насильно. Руководивший бритьем лейтенант Николаев составил рапорт о "сопротивлении".

Получил 7 суток карцера Лычак. Причина — "книги лежали на тумбочке" (полагается, чтобы они лежали в тумбочке).

28 мая. На основании рапорта Николаева Альтман лишен очередного свидания.

29 мая. Альтман объявляет голодовку. Обстановка обостряется — около 20 з/к готовы поддержать голодовку Альтмана.

Объявляет голодовку Мошнян — он также был лишен свидания.

30 мая. Начальник лагеря майор Пименов беседует с Альтманом, признает ложность рапорта Николаева и заменяет лишение свидания лишением ларька.

Альтман голодовку снял.

1 июня, воскресенье — объявлено рабочим днем "по производственной необходимости".

3 июня. Лейтенант Николаев запретил И. Вальдману выход на работу за "нарушение формы одежды" (нес бушлат в руке). Тогда же составлен акт на Вальдмана о "невыходе на работу".

4 июня. Рапорт Николаева на Н. Горбалья, И. Калининца, И. Огурцова, А. Хноха — "распивали чай в рабочее время".

7 июня. По рапорту Николаева Калининец лишен свидания (в третий раз за последние 8 месяцев). Хнох лишен ларька.

За "опоздание на проверку" лишен ларька и посылки И. Огурцов.

8 июня. В зоне проводится "инвентаризация", т. е. обыскивают личные вещи заключенных, хранящиеся на складе. Заключенные должны были сами доставлять свои вещи на проверку.

Пидгородецкий и Смирнов отказываются участвовать в собственном обыске. Карцер.

Д. Басараб (23-й год заключения, инвалид II группы, дважды перенес инфаркт) заявил, что не может поднимать тяжести, и предложил проверить его вещи прямо на складе. Лишен ларька, посылки и свидания.

Петров отказывается выносить со склада книги, т. к. они инвентаризации не подлежат. Лишен ларька и посылки.

В результате "инвентаризации" у некоторых изъяты книги, у двоих — тапочки. Руководил операцией зам. начальника по режиму капитан Поляков.

В этот же день лишен ларька Горбаль — за "распитие чая" (см. 4 июня).

9 июня, 6.00 часов утра. Объявляют голодовку протеста 14 политзаключенных: Антонюк, Вальдман, Глузман, Горбаль, Демидов, Зограбян, Калининец, Петров, Пришляк, Пронюк, Светличный, Сорока, Хнох, Шахвердян.

11.00 часов утра. Беседа у Пименова. В результате Петров брошен в карцер на 5 суток "за оскорбление капитана Полякова". Посылаются протесты в ЦК КПСС.

2.00 часа дня. Распоряжением Пименова выпущен из карцера Смирнов. Пидгородецкому 10 суток карцера заменены на 3 суток.

Вечером заключенным возвращены книги, изъятые накануне. Пидгородецкому в карцере дают бушлат и грелку (такого еще не бывало).

10 июня. Утром к начальству вызывают Калининца и Басараба. Намекают им, что наказания будут отменены, если они попросят. Оба просить отказываются.

5 часов вечера. Калининцу заменяют лишение свидания лишением ларька.

6 часов вечера. Голодовка приостановлена "ввиду частичного устранения нарушений законности". Продолжает голодать только Светличный, которого сегодня лишили ларька и посылки за отказ писать производственные показатели на доске объявлений (обычно эту работу выполняют "активисты").

11 июня. Лишен ларька и посылки С. Сорока (он, как и Басараб, во время "инвентаризации" 8 июня предлагал прове-

рить его вещи на месте).

20 июня. Объявил голодовку Петров — от него потребовали выполнения нормы на токарном станке, хотя он не прошел курса обучения и не сдавал соответствующего экзамена.

23 июня. В зону прибыла наблюдательная комиссия облисполкома. Комиссия вызвала Антонюка, Горбала, Пронюка и Хноха и поставила их перед альтернативой: или вступление в Совет коллектива колонии или — Владимирская тюрьма. Члены комиссии назвать себя отказались.

24 июня. Тяжелый почечный приступ у Антонюка. Медицинскую помощь он не получил, был вынужден выйти на работу.

25 июня. Петрову гарантировано удовлетворение его требований. Голодовка снята.

Начальник санчасти майор медслужбы МВД Ярунин признал наличие почечного приступа у Антонюка, выписал лекарства, но освобождения от работы не дал. Антонюк вышел на работу в тяжелом состоянии.

Июль. "Я постоянно слушаю по радио выпуски "Хроники". Факты, которые передаются, соответствуют действительности". (Начальник спецчасти лагеря №35 Рогозов Суперфину.)

3 июля. Лагерь посетила делегация общественности из Киева: доктор исторических наук Каковский, зам. зав. отделом юстиции Киевского облисполкома Головешко и рабочий завода им. Горького Мордюк.

Аудиторию на "встречу" сгоняли насильно; офицер Кузнецов при этом объявил, что отказавшиеся будут лишены ларька.

Майор Котов — заключенному Глузману (в присутствии членов делегации):

— Я прикажу снять со всех евреев шестиконечные звезды. В нашей стране разрешена только одна религия — православная, позволено носить только крест.

Глузман:

— Что же делать, к примеру, мусульманину?

Котов:

— Можно носить только крест.

Начальник спецчасти лейтенант Рогозов составил рапорт на Пидгородецкого: "На вечерней поверке оскорблял представителей общественности из Киева".

Пронюк заключен в ПКТ. В тот же день или позже в ПКТ отправляют Горбала.

4 июля. Трое кагебистов (один из них небезызвестный Рубан из Киевского КГБ (Хр. 30), другой — капитан Утыро, уполномоченный КГБ в лагере №35) беседуют с Пидгородецким о его взглядах.

5 июля. Пидгородецкий водворен в карцер на 7 суток — по

рапорту Рогозова.

1 августа. "Всех бы вас перестрелял при первой же возможности" (прапорщик Губарев — заключенному Валерию Марченко).

2 августа. Новый приступ почечной болезни у Антоюка.

8 августа. Вальдман подал на имя Брежнева и Косыгина заявление о переходе на статус политзаключенного.

17 августа. Вальдман требует отправки своего заявления, задержанного администрацией лагеря.

Вечером сердечный приступ у Вальдмана.

18 августа, утро. Вальдман осмотрен врачом Яруниным. Диагноз: спазмы коронарных сосудов, общее истощение, нервное истощение. Назначен курс лечения.

18 августа, день. По приказу Пименова Вальдман на 15 суток отправлен в карцер.

26 августа. Скончался заключенный Скобас. Незадолго до смерти обращался к врачу, но в больницу не попал "за неимением мест". Работал на тяжелой физической работе.

28 августа. Шахвердян после личного свидания с матерью подвергнут личному обыску с применением медицинских средств. Зондаж заднего прохода проводил лично начальник санчасти майор Ярунин. Есть основания предполагать, что аналогичному обыску подверглась и мать Шахвердяна.

Некоторые заключенные объявляют бойкот Ярунину как врачу.

1 сентября. Калинец объявил предупредительную голодовку. Причина: конфискация писем от родных, в том числе от малолетней дочери.

Тогда же объявляет голодовку Петров: он требует госпитализации (у Петрова язва желудка и болит сердце).

4 сентября. Альтман явочным порядком перешел на положение политзаключенного; *5 сентября* лишен ларька и посылки; *6 сентября* лишен свидания.

8 сентября. Петрову обещали госпитализацию, и он снял голодовку.

Альтман отправлен на 10 суток в карцер.

На положение политзаключенного переходит Вальдман.

9 сентября. Петрова госпитализируют.

10 сентября. Не позднее этой даты Калинец окончил свою голодовку.

12 сентября. Петров выписан из больницы. В тот же день заключен в ПКТ до конца срока (т. е. до февраля 1976 г.) за "систематические нарушения режима содержания". Петров объявил голодовку на все время своего пребывания в ПКТ.

14 сентября. Вальдман брошен в карцер на 10 суток.

18 сентября, утро. Альтман, после 10 суток карцера, вышел в зону.

Вечер. Альтман вновь посажен в карцер — на 15 суток.

16-20 сентября. Массовые протесты заключенных в лагере №35. Письма в ЦК и Подгорному о беззакониях и произволе в зоне. Авторы многих заявлений предупреждают, что если их протесты будут, как это обычно делается, переданы на рассмотрение низшим инстанциям (т. е. тем, на кого жалуются заключенные), то им придется отказаться от советского гражданства и обратиться за помощью к международным организациям.

* * *

С. Глузману угрожают новым сроком

12 сентября его вызвал уполномоченный КГБ по лагерю Утыро. Он объявил Глузману, что против него открывается новое дело по ст. 70 ч. II.

Глузману вменяется: 1) информация на волю о летней голодовке 1974 г. (см. Хр. 33); 2) сбор информации о происходящем в лагере №35 (при обыске у Глузмана были обнаружены листки с чьими-то записями); 3) статья о П. Григоренко (очевидно имеется в виду "Заочная психиатрическая экспертиза по делу П. Григоренко", написанная с участием Глузмана); 4) "Пособие по психиатрии для инакомыслящих" Глузмана и Буковского (Хр. 35), попавшее в Самиздат и на Запад (во второй половине 1974 г. этим текстом располагала лагерная администрация).

В Пермском лагере №36

За переход на статус политзаключенного отправлены во Владимир, кроме А. Здорового (Хр. 36), В. Калининко, В. Рокецкий, Приходько. Несколько человек за это же наказаны карцером, среди них А. Турик.

* * *

25 мая 1975 г. Петрас Плумпа (Хр. 34) послал из 36 л/п в Президиум Верховного Совета СССР заявление, в котором отказался от советского гражданства и потребовал для себя и своей семьи разрешения эмигрировать. 2 июля Плумпа получил из Москвы сообщение, что его заявление передано в прокуратуру Литвы.

* * *

30 июля, в день подписания Соглашения в Хельсинки в лагере проводилась однодневная голодовка. Участники голодовки уверены, что Советским правительством Соглашение выполняться не будет.

Пермский лагерь №37

В двух километрах от лагеря №35, в пос. Половинка в конце сентября открылся новый лагерь для политических заключенных (Хр. 37). Бытовые условия в лагере №37 невиданные;

в частности, у каждого — своя тумбочка, в секциях — холодильники и духовые шкафы. Среди заключенных нет военных преступников. Администрация предупредительна к заключенным и к их родственникам.

В новом лагере сейчас около 50 заключенных. "Хронике" известно 26 человек:

1. Бергер-Колодеж Григорий ("политический" из уголовников, сроки и статьи исчислению не поддаются. См. о нем "Дневники" Э. Кузнецова).

2. Бердник.

3. Васильев Юрий (ст. 64, срок 11 лет + 3 ссылки, сидит 6 лет).

4. Вендыш Михаил (ст. 64).

5. Городецкий Анатолий.

6. Довганич Зиновий (срок 10 лет, освобождается в 1979 г.).

7. Дорошенко Василий.

8. Дяк Владимир (ст. 70 + хищение леса, срок 10 лет, сидит с 1971 г.). Свою вину по уголовной статье отрицает (Хр. 33).

9. Егоров Александр (ст. 70, срок 7 лет).

10. Залмансон Израиль (ст. 64, срок 8 лет, осталось 3 года).

11. Исмагилов Камиль.

12. Казиев Юсуп.

13. Капранов Михаил (ст. 70, срок 7 лет, в будущем году освобождается).

14. Квецко Дмитрий (ст. 64, срок 15 лет + 5 лет ссылки, сидит с 1967 г.).

15. Коломин Виталий (ст. 70, 6 лет, с 1971 г.).

16. Конончук.

17. Копотун Михаил (ст. 70, срок 3 года).

18. Кочубей Иван.

19. Левшин Юрий (ст. 64, срок 12 лет, с 1968 г.).

20. Лычак (срок 8 или 12 лет, ст. 64, осталось 2 года).

21. Мармус Владимир.

22. Панченко Владимир (ст. 64, 8 лет, осталось около 2-х).

23. Потапов Николай (ст. 64, 12 лет с 1966 г.).

24. Чеховской Александр (ст. 70, срок 6 лет, с 1970 г.).

25. Школьник Исаак (ст. 65, срок 7 лет, с 1972 г.).

26. Шушунин.

Около 40 человек прибыло из Мордовии, около 10 — из Пермского лагеря №35.

Мордовия

Осенью этого года в 17-м лагере содержалось 44 заключенных, в 3-м — около 50, в 19-м — около 280.

* * *

В голодовке 30 октября (День политзаключенного) в 1975 г. приняли участие:

Юрий Бутченко (или Бученко) — 17-й лагерь, ст.70, срок 7 лет недавно доставлен из Ленинграда. О его деле известно только, что вместе с ним судили еще двоих;

Михаил Хейфец — 17-й, ст. 70, срок 6 лет (Хр. 34).

Петр Ломакин — 17-й, ст. 70, срок 2,5 года (освобожден 15 ноября).

Александр Болонкин — 19-й, ст. 70, срок 4 года + 2 ссылки (Хр. 28-30).

Паруйр Айрикян — 19-й, ст. [65 ч. 2 и 67 УК Арм. ССР (=ст. ст. 70 ч. 2 и 72 УК РСФСР)], срок 7 + 3 (Хр. 34).

Петр Сартаков — 19-й, возраст 60 лет.

Граур или Грауэр

Василь Долищный.

* * *

На 17-м лагпункте находится Лысенко Виталий Константинович, приблизительно 35 лет, лейтенант флота из Калининграда. Дело его "Хронике" не известно, ст. 70 (может быть, также и 64), срок — 5 лет и 2 года ссылки; арестован, видимо, в 1974 г. Судили его в Ленинграде. Его подельник Константиновский получил 15 лет + 5 лет ссылки. Первые пять лет должен отбыть в тюрьме, сейчас он во Владимире.

* * *

По непроверенным сведениям, Александру Болонкину в июне этого года было объявлено "Предостережение" по Указу. Тема "Предостережения", вроде бы, — "антисоветская деятельность" Болонкина.

* * *

Василь Стус этой осенью был увезен на Украину — вероятно, для очередной "воспитательной работы".

* * *

Стефания Шабатура в октябре была отправлена во Львов, где находилась в тюрьме до декабря. Сейчас она снова в лагере № 3.

* * *

6 декабря освободилась по концу срока Нина Антоновна Строкатова-Караванская (Хр. 28). Последние месяцы заключения она содержалась не в лагере, а в онкологическом диспансере МВД в г. Ростове-на-Дону.

Владимирская тюрьма

По некоторым сведениям, борьба политических заключенных Владимирской тюрьмы против принудительного труда привела к определенным успехам, и в настоящее время положение таково: з/к, ранее репрессированные за отказ от работы и еще не отбывшие свое наказание (карцер, перевод на строгий режим), продолжают отбывать его, однако новых наказа-

ний за отказ от работы не назначают.

* * *

Мать Александра Сергиенко (Хр. 25, 27, 30) имела в апреле беседу с тюремным врачом. Последняя заявила, что Сергиенко практически здоров (Сергиенко — тяжелый туберкулезник, с 1951 г. состоял на постоянном учете в тубдиспансере, его история болезни была изъята во время следствия сотрудником ГБ Ганенко и с тех пор исчезла).

В октябре Александр Сергиенко получил 15 суток карцера за недопустимые выражения в жалобе прокурору.

* * *

Голодовка, начатая Абанькиным и Сафроновым 15 мая (Хр. 37), продолжалась до 19 июня — уже в знак протеста против избиения Абанькина в карцере.

* * *

В ночь с 17 на 18 октября заключенному камеры № 31 (3-й корпус) Гуннару Роде стало плохо. Видимо, у него начинался заворот кишок, как это уже было в 1971 г. (Хр. 20). Надзиратель Михайлов — тот самый, который 18 мая избил в карцере голодающего Абанькина (Хр. 37), — вызвать врача отказался. Тогда заключенные камеры №31 — Витольд Абанькин, Владимир Буковский, Юрий Гродецкий, Алексей Сафронов, Бобур Шакиров — подняли шум, выбили глазок и кормушку. Прибежали дежурный начальник помощника тюрьмы и фельдшер, Роде унесли в санчасть. Ему оказали помощь и днем вернули его в камеру.

Заключенных камеры №31 рассадили по разным камерам, а затем подвергли наказаниям за шум и выбитую кормушку.

29 октября был отправлен в карцер Абанькин — на 15 суток.

30 октября — Буковский, на 15 суток (был взят в карцер из больничного корпуса).

2 ноября — Сафронов, на 10 суток.

3 ноября — Шакиров, на 10 суток.

* * *

”Хроника” уточняет свои сообщения о перемещениях Владимира Балахонова. С января по июль 1975 г. он проделал следующий маршрут: Пермский лагерь №35 — Мордовский лагерь №3 (больница, психбарак) — изолятор КГБ г. Перми — Пермский лагерь №36 — Владимирская тюрьма (ср. Хр. 35, 37).

М. Ланда обратилась 20 декабря в ”Международную Амнистию” с просьбой адаптировать (т. е. внести в свои списки) политзаключенного В. Балахонова, если это еще не сделано.

* * *

Во Владимирскую тюрьму из Армении привезен Айрапетов. Он осужден по ст. 70 за ”антисоветскую пропаганду и агитацию” (высказывания, письма в какие-то инстанции). Срок 6 лет, из них первые 3 года Айрапетов по приговору должен отбыть в тюрьме.

* * *

Осенью этого года во Владимир из Пермского лагеря №35 переведены Николай Бондарь, Роман Гурный, Зиновий Анто-нюк, Йохан Вальдман. Все они содержатся в 1-м корпусе.

20 апреля во Владимир привезли Василия Петровича Федо-ренко. Федоренко не разрешили выехать в ФРГ, где живет его сестра, и он перешел чехословацкую границу. Был задержан в ЧССР. Получил 15 лет, из них первые 5 лет обязан отбыть в тюрьме на особом режиме.

Начал голодать, как только прибыл в тюрьму, голодал 95 дней.

Федоренко 47 лет, ранее он дважды сидел по политическим статьям.

* * *

Начальник тюрьмы полковник Завьялкин — з/к Любарс-кому: "Комментарии к Исправительно-трудовому кодексу составила группа безграмотных ученых". (январь 1975 г.)

* * *

Во 2-м корпусе (камера 2 — 15) есть бытовик, которого разбил паралич. И он лежит, не двигаясь. Поэтому в карцер его приходится заносить на носилках.

Зовут этого человека Николай Едков, в прошлом он — лет-чик, фронтовик. В карцер его сажают за то, что он постоянно пишет жалобы.

* * *

Традиционные однодневные голодовки политзаключенных во Владимире: 30 октября — "день политзаключенного"; 5 де-кабря — "день Конституции"; 10 декабря — "день прав чело-века".

В этом году однодневная голодовка проводилась также 20 (?) ноября — в день открытия Международного конгресса женщин.

Белоруссия

В Белоруссии около года назад открылась Центральная женская тюрьма. Отныне перевод на тюремный режим озна-чает для женщин отправку не во Владимир, а в эту тюрьму.

Из Мордовии туда переведена Надежда Усоева (из истинно-православных христиан).

Грузия

23 сентября из 12-й женской колонии г. Тбилиси освободи-лась по концу срока Валентина Серапионовна Пайлодзе (Хр. 32).

11 сентября 1975 г. в газете "Тбилиси" под рубрикой "Из зала суда" была напечатана статья З. Месенгисера "Клеветник-бумагомаратель" — снова о Пайлодзе (ср. Хр. 34). Статья кон-

чается словами: "Мы надеемся, что другие люди, превратившие писание анонимных писем в свою профессию, сделают из этой неприятной истории должные выводы".

Красноярский край

11 октября из лагеря освобожден по концу трехлетнего срока Решат Джемилев (Хр. 31, 34).

Письма и обращения политзаключенных

1. Обращение "к правительствам всех стран, к Организации Объединенных Наций, ко всем честным людям Земли", составленное группой заключенных пермского лагеря №36 в конце прошлого года, стало известно только сейчас. Авторы объявляют о своем намерении подняться на борьбу за признание их политическими заключенными. "Мы полны решимости довести наше намерение до конца" — сказано в обращении.

Дальнейшие события — развертывание борьбы за статус политзаключенного — читателю "Хроники" хорошо известны (см. Хр. 34-37, а также настоящий выпуск).

Среди подписавших обращение Яков Сусленский, Павел Кампов, Юрий Гродецкий, Николай Бондарь, Анатолий Здоровый, Виталий Калиниченко и другие.

2. Баграт Шахвердян — В бюро Советского комитета за европейскую безопасность и сотрудничество. Сентябрь 1975 г.

Шахвердян полагает, что режим, установленный для политических заключенных в СССР, противоречит Заключительному акту общеевропейского совещания, подписанному в Хельсинки. Он отмечает, что "заключенные возлагали на разрядку много надежд", но "после подписания Заключительного акта в Хельсинки администрация обрушила на нас репрессии с новой силой".

3. Михаил Хейфец, август 1975 г. Писатель, осужденный Ленгорсудом в сентябре прошлого года на 6 лет лагерей (Хр. 34), кратко рассказывает о своем "деле". Он обращается к литературной общественности всего мира, а особо к Джеймсу Олдриджу, Альберту Кану, Андре Стилю — западным писателям-коммунистам и призывает их "сделать все, чтобы правда и справедливость восторжествовала".

4. Степан Сорока. Июль 1975 г. Рассказ о посещении 35-го лагеря делегацией "украинской общественности" (в настоящем разделе упомянуто это посещение).

Некоторые высказывания члена делегации, доктора исторических наук профессора Каковского:

- За националистические взгляды не сажать, а убивать надо.
- Здесь их и сгноите! (к администрации)

— Националисты убили Галана!

Относительно убийства известного советского писателя Ярослава Галана у Сороки свои соображения. Он считает, что бендеровцам не было никакого резона убивать Галана, что с Галаном, возможно, расправился Сталин. По предположению Сороки, юношей, убивших Галана, спровоцировали агенты МГБ. Как на пример, Сорока ссылается на свое собственное "дело" 1952 г. — членство в ОУН-овской организации, созданной по заданию МГБ Иваном Харечко (получившим, впрочем, как и другие, 25 лет).

5. Степан Сорока. Заявление в Политбюро ЦК КПСС. 3 июня 1975 г.

В 1956 г. Сороку выпустили со снятием судимости. Однако в декабре 1957 г. его вновь арестовали по ложному доносу — будто бы он готовил покушение на Н.С. Хрущева. После того как ложность доноса выяснилась, Сороку не освободили, т. к. о "покушении" уже был информирован сам Хрущев. Видимо, чтобы выйти из положения, тогдашний председатель КГБ Украины Никитченко исходатайствовал решение об отмене освобождения Сороки в 1956 г. Таким образом, Сорока был отправлен досиживать свой 25-летний срок.

Дальнейшую ситуацию характеризуют приводимые Сорокой слова работника киевского КГБ майора Рубана: "Разве можно выпустить Сороку на свободу? Он же там будет рассказывать людям!..".

"Оказывается самой страшной моей виной является моя невиновность", — заключает Сорока.

В ЗАЩИТУ ВЛАДИМИРА БУКОВСКОГО

5 сентября

Нина Ивановна Буковская вновь обратилась к Председателю Президиума Верховного Совета СССР Н.В. Подгорному с просьбой освободить ее сына и отпустить его за границу. Ранее она получала на свои просьбы ответы, что для того, чтобы этот вопрос был рассмотрен, В. Буковский должен сам написать просьбу о помиловании. "Но ведь мой сын осужден по политической статье УК РСФСР — осужден за свои убеждения, — пишет Буковская.— Просьба с его стороны о помиловании означала бы отказ от собственных принципов и убеждений (...). Сын мой никогда на это не пойдет..."

13 октября, после получения из Прокуратуры СССР стандартного отказа, Н. И. Буковская решила сделать свое письмо к Подгорному достоянием гласности.

12-м октября датировано письмо Н.И. Буковской Президенту Франции Жискар Д'Эстену.

Накануне визита Президента в СССР, Н.И. Буковская просит его поговорить с руководителями советского государства, лично с Брежневым, о судьбе ее сына.

Буковская уповает на традиционное во Франции уважение к матери и надеется, что ее голос, голос матери, будет услышан.

26 декабря Н.И. Буковская обратилась с открытым письмом к Генеральному секретарю компартии Франции Жоржу Марше.

Внимание Французской коммунистической партии и лично Ж. Марше к положению советских политзаключенных, его заявления о том, что французские коммунисты намерены проводить "политику подлинной демократии и охраны прав человека", — все это вызывает у Нины Ивановны надежду на то, что Ж. Марше не откажется помочь ей и ее сыну.

"Мой сын не совершил никаких преступлений против законов своей страны. Он лишь последовательно и бескорыстно боролся за права человека в Советском Союзе.

В конце 1970 года он передал западным психиатрам документы о помещении некоторых инакомыслящих, здоровых психически людей, в целях расправы в дома для умалишенных. Вскоре после этого он был арестован и осужден..."

"Я прошу Вас также, от всего сердца, заступиться за молодого советского психиатра — Самуила Глузмана, осужденного на 7 лет лишения свободы... за то, что он протестовал против помещения в психиатрическую больницу Петра Григоренко, совершенно психически здорового, по мнению Глузмана, человека", — пишет Буковская.

* * *

Собрание студентов и преподавателей университета в Норидже (Англия) приняло решение считать Владимира Буковского своим студентом и требовать его освобождения.

В Англии создан комитет защиты Буковского, членами которого являются Дэвид Маркхам, артист и фермер, Геральд Пинтер, директор Национального театра, Пегги Эшкрофт, популярная актриса.

В Голландии также существует комитет защиты Буковского во главе с журналистом Боллзаком. Члены Комитета проводят по всей стране собрания, посвященные Владимиру Буковскому.

* * *

К настоящему времени Владимир Буковский уже отбыл почти 5 лет своего заключения — год в следственном изоля-

торе, год во Владимирской тюрьме, год в лагере и, с мая 1974 г., снова во Владимире. Ему осталось отбыть еще более 2-х лет заключения и 5 лет ссылки. У него — язва 12-перстной кишки, желчно-каменная болезнь; он страдает также ревматизмом и пороком сердца.

МУСТАФА ДЖЕМИЛЕВ ПРОДОЛЖАЕТ ГОЛОДОВКУ

Мустафа сумел отправить из Омской следственной тюрьмы письмо своему другу. Он пишет:

”... Дела у меня, в общем, без особых изменений. 18-го августа осмотрели врачи, данные были такие: пульс — 57, температура — 35,5°C, давление 90/60, вес 45 кг...

Вообще говорят, что здесь ”умирать не дают”. Это похоже на правду, потому что в тот же день 18 августа меня перевели в тюремную больницу, где, кроме ежедневных вливаний, делали еще инъекции глюкозы и В₁. 26 августа снова перевели в свою камеру в подвал, но 1-го сентября вынуждены были снова забрать в санчасть, потому что очень плохо стало с желудком. Продержали там 4 дня, и вот сегодня, 5 сентября я опять в подвале.

Следственные органы не тревожат.

И еще вот что: 12 августа произошел такой инцидент. В то утро, где-то в 3-4 часа ночи, в камеру вошел начальник тюрьмы подполковник Суров. Он спросил, когда я собираюсь кончать голодовку, и, услышав, что я не собираюсь, набросился с оскорблениями. Говорил, что он узнал, какой я негодяй и антисоветчик, и что наивно думать, будто голодовка поможет мне выйти на свободу. В заключение он осмотрел камеру и, заметив на стенах какие-то надписи, распорядился, чтобы мне выдали щетку с известью и чтобы я замазал эти записи, хотя он прекрасно видел по характеру записей, что я к ним отношения не имею, и видел также, что я с трудом держусь на ногах.

”Если не подчинится — накажите!” — сказал он дежурному надзирателю. А наказание могло выразиться в том, что у меня отняли бы постель и захлопнули бы откидные нары, так что лежать пришлось бы на мокром цементном полу.

Когда дежурный намекнул ему уже в коридоре, что подобный произвол может вызвать с моей стороны реакцию отчаяния, начальник сказал: ”Пусть вешается, это даже лучше!” — Из этого я уяснил себе, что мое самоубийство расценивалось бы в неких кругах, как самый желательный исход...

Обязательно позвони в Москву и передай мою признательность и привет Сахарову А.Д. и З. Мих-не. *

До свиданья, мой друг.”

5 сентября 1975 года

Мустафа Джемилев

П.Г. Григоренко просил адвоката Швейского передать Мустафе просьбу всех его друзей — снять голодовку. Мустафа ответил, что он и сам в принципе против самоистязания, но для него голодовка не только форма протеста, но и защита от возможных новых лжесвидетелей — соседей по камере. Пока он голодает, его держат в одиночной камере.

В середине октября Омский облсуд вернул дело Джемилева на доследование.

4 ноября П.Г. Григоренко обратился с заявлением к Прокурору РСФСР. Он указал, что М. Джемилев содержится в сырой камере, держит голодовку ”в знак протеста против необоснованного обвинения и в целях противодействия подсадке к нему лжесвидетелей”. Затягивание следствия — это смертельный риск. П.Г. Григоренко просит изменить меру пресечения — заключение на любую другую, не связанную с лишением свободы. Он выразил готовность поручиться за Джемилева сам или найти других поручителей.

Ответ пришел 24 ноября из Омской прокуратуры — отказ.

В середине ноября мать и брат Мустафы получили свидание. Мустафа был очень слаб, потерял сознание.

29 ноября была устроена пресс-конференция с участием П.Г. Григоренко и сестры Джемилева Васфие Хаировой.

Васфие рассказала, как власти преследуют ее брата начиная с 1966 года. Она сказала: ”По нашей просьбе Петр Григорьевич написал в Прокуратуру РСФСР, чтобы Мустафу выпустили до суда на поруки, чтобы мы могли его подкормить”. В прокуратуре РСФСР над ней смеялись: ”Если бы мы выпускали голодающих, все бы начали голодать”.

Васфие рассказала также, как она ехала в Москву: ”В аэропорту меня обыскали. Заявили, что ищут взрывчатку. Я спросила, почему же ищите только у меня, а остальных пропускаете без обыска, но членораздельного ответа не получила. Когда обыскивали мою сумочку, вытащили из нее записную книжку и всю пролистали, перечитывали записи. Я спросила, разве взрывчатку можно вложить в записи этой книжечки. Тоже пробормотали что-то невнятное.”

3 декабря родители, четыре сестры и два брата Мустафы обратились к Международному Красному Кресту, к ”Международной Амнистии”, к руководителям компартий с призывом спасти Мустафу.

* Зинаиде Михайловне Григоренко.

В этот же день З.М. и П.Г. Григоренко, В. Хаирова, Р. Джемилев, А.Д. Сахаров направили в ООН письмо, содержащее требование провести гласное расследование дела Джемилева специальной комиссией.

18 декабря в Москве было распространено следующее "Сообщение о Мустафе Джемилеве".

"Суд над Джемилевым Мустафой был назначен на 17 декабря 1975 г. в г. Омске.

Адвокат Швейский, свидетели защиты и родственники прибыли в суд утром 16 декабря.

Председатель облсуда Аносов Ю.И., он же председатель суда по делу Джемилева М., отсутствовал на работе и явился только к концу рабочего дня. Просьбу адвоката видеть подзащитного для работы не удовлетворил, мотивируя поздним временем. Гарантировал это свидание 17-го утром.

17-го утром секретарем суда было объявлено о болезни Аносова, увезенного скорой помощью из дома в больницу. Суд откладывается на неопределенное время. Адвокату в свидании с подзащитным отказано.

Мустафа продолжает голодовку. Сестры видели его при посадке в "воронок". Мустафа похож на скелет, обтянутый пленкой. Он стал как бы меньше ростом. Еле ходит.

Секретарь суда иронически спросил сестру Мустафы: "Вы видели своего Мустафу, маленького, худенького?"

Нам удалось установить, что Аносов утром был в суде. В больницу направлен не был. При повторном запросе по телефону секретарь ответила: "Аносов срочно заболел".

Мы твердо убеждены, что откладывание суда было преднамеренным, заранее подготовленным бюрократическим трюком для того, чтобы лишить Мустафу квалифицированной защиты и присутствия свидетелей защиты.

Поездка на суд для родственников представляет большие материальные траты.

Расчет один: закрытым судом без свидетелей скрыть незаконное, сфабрикованное обвинение от его народа и мировой общественности.

Джемилев Решат, Хаирова Васфие, Джемилева Гульзар, Сеферов Энвер, Кудряшов Анатолий, Пакиз."

* * *

950 крымских татар, живущих в Крыму (около 600 человек) и в Узбекистане, подписались под требованием "Свободу Мустафе Джемилеву".

ДВИЖЕНИЕ КРЫМСКИХ ТАТАР

Симферополь

18 ноября около 150 крымских татар собрались у здания облисполкома, желая обратиться к председателю облисполкома с просьбой о прописке и трудоустройстве. Председатель облисполкома отказался принять их, милиция задержала двух человек: Мустафу Османова (демобилизован в 1972 г., с тех пор живет без прописки в совхозе Шалфейном) и Сервера из села Белая Скала; остальных направили в областное управление МВД. Начальник управления Гайдамак принял четырех человек и под разными предлогами отказал им в прописке. Татары разошлись только после того, как двух задержанных освободили.

* * *

22 ноября на вокзале с поезда Симферополь — Харьков были сняты Медат Куртвалов и Мамеди Чобанов. У Чобанова отобрали письма в защиту Мустафы Джемилева с 700 подписями, адресованные в ЦК КПСС и в Комитет прав человека.

Через два дня Чобанов был доставлен сотрудниками КГБ домой в с. Журавки для обыска. На обыске, который вели сотрудник областного управления МВД Илинов, два милиционера и двое из КГБ, ничего не изъяли. Один из кагебистов, назвавшийся Иваном Тимофеевичем, сказал: "Если Вы и дальше будете так действовать, то может случиться то, что случилось в 1944 году".

* * *

Арестованная в сентябре Аджимелек Мустафаева (Хр. 37) осуждена на 1,5 года высылки из Крыма.

"Горный Крым в опасности"

Рефат Халилов, живший последние годы в Новоалексеевке (Херсонская обл.), в сентябре 1975 г. купил дом в своей родной деревне Гавр (ныне село Плотинное), в Бахчисарайском районе.

29 сентября сам он поехал туда на грузовике с домашними вещами, а жена, дети (16 и 14 лет) и теща — на легковой машине, принадлежащей его знакомому. Грузовик был задержан на первом же посту ГАИ в Крыму, в Чонгаре, и отправлен обратно. Легковая же машина с семьей Халилова была задержана только за Симферополем, в поселке "Приятное свидание".

Ее поджидали здесь милиционеры, человек в штатском и несколько дружинников. У шофера отобрали права и проводили машину до выезда из Крыма, где вернули документы.

В течение нескольких дней подъезды к селу Плотинному пикетировались нарядами милиции. 30 сентября (или 1 октября) в сельсовете, расположенном в с. Голубенькое, были собраны руководители совхоза и партийный актив. Два сотрудника КГБ разъяснили, что хотя у нас — равноправие наций, но нельзя допустить возвращение крымских татар в эти деревни. С другой стороны после Европейского совещания нельзя и выселять их. Поэтому должны быть приняты все меры, чтобы крымские татары не покупали домов в Крыму.

9 октября семья Халилова (без него самого) все-таки приехала в свой дом. К ним немедленно явился участковый милиционер и проверил документы. Часа через два к дому на двух машинах подъехали полковник и капитан милиции в сопровождении председателя сельсовета и группы дружинников. Подогнали совхозный автобус. Полковник велел всей семье немедленно садиться в автобус. Назифе Османова, теща Халилова, показала извещение о гибели ее мужа на фронте при защите Севастополя. Она просила разрешить ей хоть день побыть на родине, где она не была с 1944 года. Прежние хозяева дома возмущались жестокостью милиции, 18-летний сын хозяина сказал: "Вы выгоняете людей, как фашисты". Шофер отказался было ехать, так как пришло время развозить детей из детского сада, но полковник сказал: "Дети сами доберутся, сейчас главное вывезти этих из Крыма". Два дружинника сели как конвой, и семью доставили в Новоалексеевку.

Обращение крымских татарок (август 1975 г.). Обращение направлено партии и правительству в связи с Международным годом женщин, XXV съездом КПСС и 30-летием Победы. В нем приведены десятки имен крымских татарок, героически воевавших на фронте, в партизанских отрядах и в подполье. Многие из них погибли. Говорится о трагедии выселения, гибели народа в ссылке. Перия Джуманиязия, девять сыновей которой погибли на фронте, умерла в ссылке от голода.

Обращение призывает вернуть крымских татар на родину. Его подписало около 1000 человек.

Информация № 115 представителей крымско-татарского народа

На имя XXV съезда КПСС отправлен 207-й том материалов крымско-татарского народа. Он содержит: а) "Требование крымско-татарского народа" (20 тыс. подписей); б) исторические сведения о крымских татарах; в) данные о числен-

ности нации в 1944—1974 г.г., полученные путем самостоятельных переписей и опросов (до 1944 г. — 560 тыс. крымских татар; из них в борьбе с фашизмом погибло 57 тыс., 80 тыс. к маю 1944 г. находились в действующей армии, остальные 420 тыс. человек подверглись депортации из Крыма; в первые годы ссылки нация потеряла 46% из числа депортированных, т.е. 193 тыс. человек; сейчас крымских татар 833 тыс.); г) данные о понесенном нацией материальном ущербе в связи с депортацией (сумма ущерба — почти 3 млрд. новых рублей), об уничтожении культурных ценностей, кладбищ и др. народных святынь; д) фотокопии некоторых документов, сданных в ЦК КПСС с 1964 г. по 1974 г. (Этот комплект материалов направлен также в ООН и итальянской и румынской компартиям — Хр.)

В ЦК КПСС отправлены, кроме того, следующие документы: письмо ветеранов Отечественной войны (331 подпись); письмо о действиях крымских властей против крымских татар (598 подписей); 160 индивидуальных писем.

Сообщается, что 23 ноября подборка вышеперечисленных документов была изъята сотрудниками КГБ и МВД из камеры хранения Казанского вокзала Москвы.

Представитель крымских татар Мустафа Халилов, направлявшийся в Москву, был снят с самолета 20 ноября еще в Ташкенте.

Сообщается, что 23 ноября на Новодевичьем кладбище (Москва) состоялось торжественное открытие памятника Аметхану Султану, летчику, дважды Герою Советского Союза. Памятник сооружен на средства, собранные крымскими татарами, и на средства, выделенные дирекцией Авиационного института, где Аметхан Султан работал летчиком-испытателем.

Информацию подписали: Мухсим Османов, Зоре Меметова, Нури Каялиев, Сервер Матросов (Ферганская обл.), Амет Абдураманов, Мустафа Халилов, Алпаз Сейдаметов, Умер Ильясов, Ибраим Ибраимов (Ташкентская обл.); Аким Абдурешитов, Айше Велиуллаева (Андижанская обл.); Шевхи Мухтеремов, Кадыр Аметов (Самаркандская обл.), Дильяра Дадой (Крымская обл.).

СОБЫТИЯ В ГРУЗИИ

Прокуратура Гр. ССР возбудила дело против бывших сотрудников следственного изолятора № 1 г. Тбилиси Джангиани и Фролова, по заданию которых подследственных пытали (Хр. 36). Номер дела 10669. Дело ведет следователь по особо важным делам Хабулиани.

Тбилиси. В конце августа 1975 года полковник КГБ Зардалишвили допросил Т. Гвазаву, работающего переплетчиком в типографии Института экономики. Зардалишвили упрекал Гвазаву в том, что он по просьбе Звиада Гамсахурдиа переплетал запрещенные книги и категорически запретил ему встречаться с Гамсахурдиа.

В начале сентября работник типографии, мастер множительного аппарата "Эра" В. Михайлов на допросе в КГБ показал, что размножал самиздат и что давал ему этот самиздат работник той же типографии Н. Кавтарадзе. Кавтарадзе на допросе показал, что самиздат ему для размножения давал З. Гамсахурдиа.

В конце ноября Михайлову объявили партийный выговор и сняли его с работы.

Допросы в типографии, возможно, связаны с делом о журнале "Золотое руно" (см. раздел "Новости самиздата" в наст. вып.). По этому делу проведены обыски у студента филологического ф-та ТГУ Л. Кокая (изъят один номер журнала), у студента Академии художеств Р. Сирадзе. Студентов допросили. Допрошены также Б. Небиеридзе и У. Габиташвили; их заставили подписать некие обязательства. Допрос Н. Коберидзе, о котором сообщалось в Хр. 36, также связан с этим делом: в журнале "Золотое руно" опубликованы его стихи. У Н. Коберидзе был сделан неофициальный обыск и изъят сценарий.

17 сентября в КГБ допросили сотрудницу консерватории Ж. Звездину. Органам КГБ, сказали ей, стало известно, что она читала "Архипелаг ГУЛаг", который ей дал З. Гамсахурдиа. Затем ее спросили: "Правда ли, что Гамсахурдиа заставил Вас читать эту книгу?" Звездина ответила: "Нет, я сама попросила эту книгу по телефону у Гамсахурдиа, и вы подслушали наш разговор". Допрашивающие посоветовали Звездиной прекратить общение с Гамсахурдиа, а если она случайно встретится с ним — сообщить об этом в КГБ.

3 ноября милиция помешала Д. Чикмизову, представителю верующих Гцалкского р-на, посетить З. Гамсахурдиа. Чикмизова остановили около дома и запретили ему входить в дом, угрожая арестом.

Студентка 4-го курса филологического ф-та ТГУ Лия Бедошвили 16 ноября заявила начальнику районной милиции, что в течение трех недель какие-то люди непрерывно преследуют ее: останавливают на улице, угрожают. Ее пригласили в милицию, но беседовал с ней работник КГБ М. Гагуа. Его ин-

тересовало, почему она поддерживает дружеские отношения с З. Гамсахурдиа.

* * *

В заявлении на имя председателя КГБ при СМ ГССР А. Инаури, датированном 20 декабря, З. Гамсахурдиа пишет о негласном обыске со взломом, проведенном в его доме 17 декабря. В этот день, возвращаясь вечером домой на машине, он не сразу смог подъехать к дому — узкая улица была перегорожена самосвалом. Когда самосвал пропустил его машину, он обнаружил, что наружная дверь открыта, а на письменном столе остались следы поисков.

* * *

Теймураз Джваршейшвили, тбилисский историк, известный активным участием в разоблачении коррупций и хищений, совершенных в грузинской Патриархии при содействии некоторых крупных работников КГБ (Хр. 34), находится сейчас в ИТК усиленного режима в г. Рустави. 21 августа он был осужден в Сухуми на 4 года за "изнасилование".

Арест Джваршейшвили произошел 29 июля на сухумском вокзале, когда он, провожая свою "жертву", Герду Сабоните, в Вильнюс, зашел вместе с ней и по ее просьбе в отделение милиции, где для нее, якобы, были оставлены какие-то вещи.

В своем письме, написанном 18 ноября в лагере, Джваршейшвили сообщает, что сразу после его ареста следователя Пачулия инструктировали в его присутствии: ".... мы не должны отпустить этого человека. Доведи это дело до конца. Так нужно." На одном допросе рядом с Пачулия сидел человек, дававший ему какие-то указания по-абхазски. Некоторые странные поступки Герды во время продолжавшегося три дня "романа" и во время следствия приводят Джваршейшвили к выводу, что их связь была использована для фабрикация обвинения. Более того, он уверен, что Сабоните была к нему подослана.

В кассационной жалобе адвоката Гринфельда в Верховный суд Абхазской АССР указан ряд выявившихся на суде моментов в поведении Сабоните, которые исключают версию "изнасилования". Адвокат просит приговор отменить и дело производством прекратить.

* * *

В июне 1974 г. инвалиду 1 группы Беглару Самхарадзе прекратили выплату пенсии. Зеравшанский районный суд заочно вынес решение, что Б. Самхарадзе является не участником войны, а изменником Родины, что он получил воинскую пенсию обманным путем и должен вернуть 19 тыс. рублей. Суд ссылается на приговор, которым в 1950 г. Самхарадзе был осужден за "измену Родине" на 25 лет (освобожден в 1955 году).

Беглар Самхарадзе был в плену. Оказавшись во Франции, бежал к партизанам, сражался, был тяжело ранен. Официальные документы присланные из Франции, удостоверяют его героическое участие в Сопротивлении. В свое время об этом писала "Литературная Грузия". В заявлениях, которые Б. Самхарадзе и его брат (и ошкун) Ник. Самхарадзе направляли в различные инстанции, указано, что преследование Б. Самхарадзе началось после того, как в 1973 г. братья потребовали наказания тех, кто в 1950 г. пытками добился его "признания" и довел его до психического заболевания.

Они пишут в своих заявлениях, что нынешние руководители КГБ и прокуратуры Грузии реабилитируют клику Берия — Рухадзе, восстанавливая незаконные приговоры того времени.

* * *

"Артиллерия уничтожает фрески". Так называется статья З. Гамсахурдиа (5 декабря 1975 г., Самиздат), в которой описано угрожающее положение уникального комплекса пещерных монастырей Давид—Гареджа с фресками VIII—XIV в.в. (БСЭ, т. 7, 1972). На его территории с 1952 г. действует каразский артиллерийский полигон. Бывали случаи прямого попадания в пещеры с фресками. Монастырь Бергубани почти полностью разрушен.

В статье приведена переписка, начатая Звиадом Гамсахурдиа (как внештатным сотрудником Управления охраны памятников) 13 сентября 1975 г. после пожара, возникшего на территории монастыря в результате обстрела. Он обратился к командующему Закавказским военным округом генералу—полковнику Мельникову с предложением "перенести полигон на несколько километров от памятника, ибо пустыня весьма обширна". В ответе П.В. Мельникова, направленном в Министерство культуры ГССР 26 ноября, сказано:

"К сожалению, развалины монастыря находятся в центре огня нашего полигона и перенести этот полигон мы не намерены. Не допускать туристов без наших пропусков."

Автор статьи обращается к советской и мировой общественности с призывом "поднять голос против вандализма, который совершают артиллеристы Закавказского военного округа, пренебрегающие культурными ценностями всего народа".

ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ВЕРУЮЩИХ

Литва

В 1967 г. издательство "Минтис" ("Мысль") выпустило в Вильнюсе брошюру под редакцией Витаутаса Денаса "И уми-

рая боролись". В одном из очерков описывалось, как священник Винцентас Гелгота убил человека. В мае 1968 г. Гелгота написал Денасу письмо, в котором требовал публичного опровержения этого очерка. Денас в ответном письме просил у Гелготы прощения за ошибку, вызванную ложной информацией, и сообщил ему, что попытается это опубликовать. К письму был приложен текст опровержения (2 экземпляра). Однако ни республиканские, ни районные газеты г. Капсукас и г. Шакяй не опубликовали посланного Денасом опровержения.

* * *

15 сентября 1975 г. отдел народного образования исполкома г. Мажяйкяй потребовал, чтобы супруги—учителя Антас Скипарис (стаж работы 27 лет) и Мария Скипарене (стаж — 25 лет) уволились "по собственному желанию", поскольку их сын в этом году поступил в духовную семинарию. Им пришлось подчиниться.

* * *

В августе 1975 г. учительница музыки Букаускайте венчалась в церкви в г. Шилуте. На следующий день она была уволена.

* * *

В 1975 г. исполком г. Калтиненай оштрафовал на 20 руб. инвалида Висманияйте за то, что она подготовила пятерых детей к первому причастию.

* * *

В дни католических праздников таксистам г. Каунаса запрещается возить людей в г. Расяйнай. 9 сентября 1975 г., в праздник дня рождения Девы Марии, у одного из таксистов автоинспекция отобрала права за нарушение этого запрета.

* * *

В июне 1975 г. священнику А. Кейна в Вильнюсском КГБ вернули часть вещей, изъятых у него при обыске. Из пятидесяти изъятых у него молитвенников вернули только один.

Днепропетровск. 7 сентября 1975 г. милиция совершила рейд против верующих-баптистов. Во время богослужения в доме одного из членов общины (Петренко И.А.) 7 человек — в милицейской форме и в штатском — вошли к молящимся, оскорбляли их и угрожали расправой, причем руками уголовников. ("Банду напустим", — участковый Решетник М.Н.)

Заявление об этом инциденте верующие направили в международные и советские инстанции.

Волгоград. В заявлениях на имя Л.И. Брежнева верующие-баптисты сообщают о том, что местные власти преследуют их:

31 августа 1975 г. милиция без всяких оснований арестовала Н.Н. Лубяного у него дома и заключила в КПЗ на 15 суток "за неповиновение милиции". Пока он отбывал этот арест, административная комиссия заочно оштрафовала его на 50 рублей за "незаконное проведение культового обряда" (богослужения).

28 сентября на богослужбное собрание в религиозный праздник жатвы явился отряд милиции и сотрудники в штатском. Возглавлявший операцию ст. лейтенант милиции В.А. Цехмистров приказал верующим покинуть "незаконное моление" и отключил электричество.

85-летнего пенсионера В.Н. Харитошина неоднократно штрафовали за то, что в его доме проходят собрания баптистов. Осенью 1975 г. он оштрафован на 100 рублей (пенсия Харитошина — 28 рублей в месяц).

Электросталь. 18 октября 1975 г. отсюда была отправлена следующая телеграмма:

Финляндия Хельсинки Урхо Кекконену копии Брежневу Л.И. и Сахарову А.Д. Уважаемый Урхо Кекконен, мы, верующие Евангельско-баптистского исповедания Москвы и Подмосковья, обращаемся к Вам как к председателю совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе в Хельсинки, потому что все наши ходатайства о свободе проведения богослужений наше правительство встречает усилением репрессий, этим самым грубо нарушая документы, подписанные в Хельсинки. Сегодня мы отмечаем праздник урожая. Органы власти, прибыв на место, где собралась церковь, по адресу г. Электросталь Дачная 16/15, применив физическую силу, доставили всех в отделение милиции, угрожая при этом лишением свободы и штрафами. Так регулярно в течение 14 лет мы лишены права исповедывать свою веру. Мы просим Вас призвать наше правительство к соблюдению статьи седьмой декларации, подписанной в Хельсинки. г. Электросталь Московская область улица Дачная 16/15 Рудниченко Г.З.

Москва. 22 июня 1975 г. административная комиссия Бабушкинского района Москвы предупредила члена общины христиан-пятидесятников А.А. Власова: "Два раза застанем на вашем религиозном сборище — будем судить".

Уполномоченный Совета по делам религии по Московской области А.А. Трушин трижды за этот год вызывал к себе проповедников христиан-пятидесятников для беседы; 24 октября в кабинете Трушина присутствовали и вели "беседу" сотрудники КГБ А.Д. Шилкин и С.П. Шальев. Они требовали зарегистрировать общину, угрожая в противном случае судом.

Община считает условия регистрации несовместимыми с требованиями христианской религии.

Московская область. Священник о. Дмитрий Дудко (Хр. 32), служивший в с. Кабаново Московской области, вновь остался без прихода: в конце декабря церковный староста без согласия "двадцатки" расторг с ним договор, объяснив прихожанам, что таково распоряжение райисполкома. 28 декабря о. Дмитрий пришел в церковь, чтобы присутствовать на службе (его место уже было занято другим священником). Прихожане не хотят расстаться со своим пастырем, и у храма возник стихийный митинг; свыше 300 человек подписали петицию в защиту о. Дмитрия Дудко.

Житомир. Борьба верующих за сохранение своего православного храма (Хр. 30) завершилась их поражением: в августе храм был взорван на глазах потрясенной толпы прихожан.

С. Средняя Елюзань Городищенского района Пензенской области. До 1970 г. здесь было три действующих мечети. Осенью 1970 г. одна из них была закрыта, а в 1972 г. местные власти закрыли и вторую — якобы из-за нарушения санитарных норм. С тех пор в здании мечети хранят отсыревшие минеральные удобрения.

В единственной действующей теперь мечети в молитвенные дни собирается до тысячи верующих-мусульман, которые там едва помещаются.

Самарканд. 28 августа 1975 г. милиция произвела обыски у граждан Новикова В.К., Недавней Е., Шелкова А.В. — членов общины адвентистов. Изъяты: Библии, религиозная литература (а также и Декларация прав человека ООН, Пакты ООН), магнитофонные ленты и кассеты "с божественными записями" (из протокола). Замечательно примечание к протоколу обыска: "Книги божественные найдены в подвале жилой комнаты".

После обысков Новикова, Недавнюю и Шелкова допрашивали о том, где они взяли религиозную литературу; угрожали возбудить уголовное дело.

В результате неоднократных требований Библии были возвращены владельцам; остальная литература не возвращена.

Курская область. 27 июня 1975 г. по "женской амнистии" была освобождена Зинаида Петровна Тарасова — евангельская христианка-баптистка, осужденная по делу издательства "Христианин" (Хр. 34, 37). Ей отказали в прописке по месту жительства (в селе Курской области), т.к. она "не реабилитирована, а амнистирована". Лишь через три месяца после жалоб в высшие инстанции Тарасову прописали (по закону амнистия снимает судимость — Хр.).

Кокчетав. В сентябре или октябре 1975 г. здесь состоялся процесс над группой баптистов-инициативников.

ст. Беловодская, Киргизская ССР. 19 июля представитель райисполкома предупредил М.Я. Бахареву, мать пятерых детей, что она будет лишена родительских прав. Бахарева — верующая (вероятно, адвентистка), и ее дети не ходят в школу по субботам. Административная комиссия четырежды штрафовала Бахареву, хотя ее дети учатся хорошо. Последний штраф — 25 рублей; это почти столько, сколько она получает в месяц алиментов на всех пятерых детей.

Кривой Рог. Бюллетень совета родственников узников ЕХБ № 27 публикует сообщение о смерти баптиста Ивана Васильевича Библиенко (1928 г. рождения, освобожден из заключения в 1974 г., член церкви ЕХБ г. Кривой Рог.).

13 сентября И.В. Библиенко отправился на религиозный праздник в Днепропетровск. Стало известно, что в Днепропетровск он не приехал; домой он тоже не вернулся. Жена и мать Библиенко заявили в милицию, объехали все криворожские больницы, затем предприняли такие же розыски в Днепропетровске — нигде ничего не знали о Библиенко. В ГАИ им сообщили, что 13 и 14 сентября на участке Кривой Рог — Днепропетровск автомобильных аварий не было. Две недели поисков не дали никаких результатов.

22 сентября они обратились в прокуратуру. 26 сентября семья получила телеграмму из Днепропетровска, что И.В. Библиенко умер 24 сентября в больнице им. Мечникова. В заключении о смерти сказано, что смерть наступила в результате травмы головы, полученной 13 сентября в автомобильной аварии. 4 дня Библиенко находился в больнице Кривого Рога, а 17 сентября был переведен в Днепропетровскую больницу.

Основываясь на том, что родные Библиенко получали противоречивые сведения, а факт его пребывания в больнице от семьи был скрыт, члены Криворожской общины ЕХБ считают смерть Библиенко результатом насилия. В жалобе-заявлении Брежневу, Подгорному, Руденко община просит "произвести расследование комиссией и найти истинную причину смерти и настоящих виновников ее".

Положение узников за веру

В июне 1975 г. жены заключенных баптистов В.А. Артюха, и П.А. Артюха направили в прокуратуру СССР и БССР жалобу на то, что их мужья два месяца лишены переписки с семьями. Они сообщают, что начальник политчасти лагеря учр. УЖ 15/5 (г. Иванцевичи Брестской области) Залесский на их запрос письменно ответил: "Письма с призывами и выдержками религиозного содержания направляться из колонии не будут".

* * *

Даугавпилс, учр. ОЦ 78/11—4. Гауэру Евгению Кирияновичу

(евангельский христиан-баптист, 55 лет, осужден по ст. 151 ч. II УК Латв. ССР на 4 года заключения (Хр. 34)) запрещена личная переписка на родном языке.

* * *

Верующим узникам тюрем и лагерей администрация запрещает иметь религиозные книги. Заключение, у которого их находят, подвергают наказанию.

Заключенные-баптисты из ИТУ—8 г. Омска В.А. Пикалов, Я.Ф. Дирксен, Я.Я. Эннс, И.Ф. Тевс, М.М. Десятников, П.Г. Адриан просили администрацию лагеря, чтобы им разрешили иметь Библию, и получили отказ. Мотив отказа: "Библия не входит в перечень разрешенных предметов."

Жене заключенного А.Т. Козорезова (Омск, п/я УХ 16/7) А.Т. Козорезовой работник оперчасти лагеря Турченко заявил, что если у ее мужа найдут Евангелие, то накажут его за хранение запрещенной книги.

У заключенного-баптиста М.А. Пшеницына (Хр. 34) (г. Новокуйбышевск — 14, УР 65/3) во время лагерного обыска отобрали Евангелие, а его самого посадили в ШИЗО. В связи с этим 29 июня 1975 г. он объявил голодовку. Его жена написала несколько протестов и заявлений: начальнику лагеря, в Совет по делам религий, Генеральному прокурору СССР. 18 июля зам. начальника лагеря И.И. Бородин ответил Пшеницыной, что *"изъятая вещь мужу возвращена"*.

Случай с Пшеницыным позволяет предположить, что официальных инструкций о запрещении в лагерях религиозной литературы (по крайней мере, Евангелий) нет.

* * *

Стало известно, что в августе 1974 г. в поселке Берегомет Вижницкого района Черновицкой области были осуждены сестры Мария Николаевна Флорескул — на 3 года заключения, с конфискацией имущества, и Ольга Николаевна Кондрюк — на 2 года заключения. Обеим вменялось в вину ст. ст. 123 ч.1 и 124 УК УССР, а именно — воспитание 10-летнего племянника Сережи в религиозном духе. (Обе сестры — адвентистки. Семья Кондрюк содержала и воспитывала Сережу после смерти его матери.)

О.Н. Кондрюк в августе 1975 г. освобождена по амнистии. М.Н. Флорескул содержат в лагере вместе с женщинами, больными венерическими болезнями.

* * *

Заключенная Лидия Александровна Коржанец (Гомель, учр. УЖ 15/4; евангельская христианка-баптистка, осуждена в 1973 г. по ст. ст. 139 ч. II, 186, 222 ч. 1 УК БССР, срок 4 года) обращается к Брежневу, Подгорному, Косыгину, в Прокуратуру СССР, в Международный комитет женщин; она возмущается тем, что "женская" амнистия от 16 мая 1975 г. (в связи с Международным годом женщин) не коснулась осужденных

за религиозные убеждения.

Совет родственников узников ЕХБ, поддерживая обращение Коржапец, настаивает на освобождении женщин — "религиозниц"; напоминает имена заключенных-баптисток: Кравченко Дина Иосифовна, 1941 г. рождения, осуждена 10. 9. 1973 г. по ст. ст. 142 ч. II и 227 ч. II на 4 года лагерей; Никора Ольга Георгиевна, 1950 г. рождения, осуждена 5. 3. 1974 г. по ст. ст. 209 ч. I и 138 ч. II на 4 года лагерей и 3 года ссылки; Каспер Эля Вальтеровна, 1949 г. рождения, осуждена 8.2.1974 г. по ст. ст. 170 ч. 1 и 200 ч. 1 на 3 года лагерей; Коржапец Лидия Александровна.

* * *

Сообщения данного раздела основаны на материалах "Хроники ЛКЦ" №18 (август 1975 г.) и №19 (октябрь 1975 г.), "Бюллетеня Совета родственников узников ЕХБ" № 27 и на заявлениях и жалобах верующих в различные инстанции.

Выступления священнослужителей и верующих

Священник Глеб Якунин, Лев Регельсон, Обращение к делегатам V Ассамблеи Всемирного Совета Церквей (10 стр., 16 октября 1975 г.).

Авторы высказываются в пользу экуменического движения. Они видят надежду на преодоление христианской раздробленности в христианской любви, возникшей в ответ на массовое церковное исповедничество и мученичество. Они напоминают примеры такой христианской любви и сочувствия, объединившие представителей разных исповеданий в период страданий Русской Православной Церкви, — примеры, которые, по их мнению, должны вдохновлять и деятельность ВСЦ. С сожалением они отмечают, что "среди широкого круга ... важных проблем (деятельности ВСЦ) так и не нашла места тема религиозных гонений — казалось бы, центральная тема христианского экуменизма".

Авторы выдвигают ряд практических предложений, которые могли бы привлечь внимание христиан к мученикам за веру и послужить облегчению их участи. Они призывают христиан поддержать исповедников других религий, а также "всех борцов за свободу и достоинство человека, за сохранение в человеке образа Божия".

Те же авторы 27 декабря сделали следующее "Заявление для иностранных корреспондентов".

"До нас дошла отрадная весть, что Всемирный Евангельский Совет христиан-баптистов объявил 6 января днем молений за преследуемых в СССР христиан.

Выражаем глубокую благодарность за проявление подлинной христианской солидарности и надеемся, что христиане других конфессий поддержат это важное начинание.

Просим вспомнить о священнике Дмитрие Дудко, отстраненном недавно по настоянию властей от священнической службы в храме св. великомученика Никиты села Кабанова Орехово-Зуевского района, Московской области, и об иеродиаконе Варсонофии Хайбулине, уволенном со службы в церкви г. Муром Владимирской епархии в ноябре месяце за его широкую проповедническую деятельность.

Одновременно с о. Дмитрием Дудко выгнали с работы и одного из нас, авторов обращения к делегатам V Ассамблеи Всемирного Совета Церквей в Найроби, — священника Глеба Якунина.

25 декабря староста храма "Троицкой-Кайнарджи" Балашихинского района Московской области, в котором священник Глеб Якунин работал в должности чтеца, заявила, что по требованию уполномоченного Совета по делам религий по Московской области А.А. Трушина она увольняет его с работы".

* * *

Управляющий Московской епархией Митрополит Крутицкий и Коломенский 14 декабря 1974 г. издал Указ №900 всем отцам Благочинным Московской епархии. Указ запрещает соборование групп престарелых на дому, обязывает к строгой регистрации согласия родителей на крещение их несовершеннолетних детей, запрещает упоминание в проповеди "политических или общественных примеров".

Священник Глеб Якунин 2 декабря 1975 г. опубликовал комментарий к Указу. В частности, он пишет: "Указ был зачитан о.о. Благочинным, специально собранному для этой цели духовенству, после чего священники ставили свои подписи во свидетельство ознакомления с указом. Его текст на руки не выдавался и копии снимать с него было запрещено".

* * *

16 декабря 1975 г. иеродиакон Варсонофий (Хайбулин) обратился к Генеральному секретарю Всемирного Совета Церквей с просьбой приложить к материалам "специального комитета по защите прав верующих" 5-й Ассамблеи ВСЦ свое открытое письмо (от 23 ноября 1975 г.) архиепископу Владимирскому и Суздальскому Владимиру, члену делегации Русской Православной Церкви на этой Ассамблее.

Открытое письмо было вызвано отстранением иеродиакона Варсонофия от службы в Благовещенском соборе г. Мурома. Автор связывает подлинные причины нынешнего увольнения и прежних гонений на него с "самой насущной проблемой положения Церкви в нашей стране" — с ее "огосударствлением".

Критикуя конформизм иерархов РПЦ, иеродиакон Варсонофий задается вопросом: "... имеет ли право епископат соглашаться на огосударствление Церкви идеократическим режимом, открыто объявляющим миру свою цель: полностью искоренить идею Бога из сознания людей?" Автор отвергает возможные

упреки в антисоветизме, он пишет: "Будущее Советской России — великое и преславное Будущее — в синнергическом единении коммунистов, уважающих свободу Церкви, и христиан, уважающих социальную правду коммунизма, но всегда готовых пожертвовать всем за независимость Церкви."

Указывая на вмешательство КГБ в дела РПЦ, на попустительство этому вмешательству церковных иерархов, иеродиакон Варсонофий приводит содержание своих бесед с начальником оперативного отдела Владимирского УКГБ полковником А.И. Шibaевым (в марте 1975 г., после допроса по делу о журнале "Вече") и оперуполномоченным Муромского отделения КГБ ст. лейтенантом В.Г. Зайцевым.

"Логика Московских синодалов — "мы идем на компромисс ради спасения Церкви" — есть логика еретиков", резюмирует автор свои рассуждения о функциях Церкви и положении РПЦ и призывает Вселенский епископат Православной Кафолической Церкви принять "соответствующие канонические санкции", призывает всех христиан помочь РПЦ.

* * *

В. А. Шелков. Единый идеал (19 стр., октябрь 1975 г.). Автор излагает систему возражений адвентистов против насилия государства над духом, над свободной волей, над свободой совести, веры, убеждений, данной Богом каждому человеку. Для борьбы с этим насилием необходимы *жертвенность*, единый идеал, единая цель. "Единый идеал нам дан в исторической личности Иисуса Христа — Сына Божьего... Соисканием этого единого идеала и должны заняться прогрессивные умы человечества..." Шелков возражает тем, кто надежды на нравственное возрождение народа связывает с идеей национальности или же с идеей Русской Православной Церкви.

Владимир Андреевич Шелков — председатель Всесоюзной Церкви Христиан Свободных, Верных Адвентистов. За свою религиозную деятельность более 20 лет пробыл в заключении, в 1945 г. приговаривался к расстрелу (впоследствии замененному 10-ю годами). Последний свой 10-летний срок отбывал в Мордовии в 1957-67 гг. После освобождения поселился в Средней Азии.

В 1970 г. был задержан на улице. В доме его произвели обыск, но ничего компрометирующего не нашли, и он был выпущен. Не дожидаясь ареста, скрылся.

С тех пор Шелков находится на нелегальном положении. Объявлен розыск; недавно в доме, где живет его семья, опять провели обыск.

В этом году В.А. Шелкову исполнилось 80 лет.

ВИЗЫ НА ВЫЕЗД И ПОВЕСТКИ В ВОЕНКОМАТ

В 1974 г. Тейвель Абрамович Сельницкий и его семья, живущие в Краснодаре, подали заявление на выезд в Израиль. Сын Сельницкого, Александр, в это время учился на IV курсе Краснодарского политехнического института и должен был проходить военные сборы. Он отказался от сборов и за это был отчислен из института. Последовали вызовы в военкомат. А. Сельницкий, получивший к этому времени израильское гражданство, направил через военкомат письмо министру обороны. В письме он объяснил, что, являясь гражданином Израиля, не может проходить службу в Советской Армии.

Сельницким в выезде было отказано, т. к. их сыновья Александр (1953 г.) и Михаил (моложе Александра на несколько лет) должны пройти службу в армии. Дело об уклонении от военной службы (ст. 80 УК РСФСР) Александра Сельницкого было передано в прокуратуру г. Краснодара.

28 октября 1975 г. в Москве Александра Тейвелевича Сельницкого арестовали. В Краснодар его отправили этапом и привезли в середине ноября. А. Сельницкий заявил, что считает себя гражданином государства Израиль, и в следствии не участвовал.

Дело слушалось 15 декабря в нарсуде Ленинского района г. Краснодара. Председатель — В.П. Гончарова, прокурор — Толмачева, адвокат — Н.И. Ковалев. Свидетелями были вызваны родители Сельницкого, сотрудник райвоенкомата, заведующий военной кафедрой политехнического института. Дело слушалось не в здании райнарсуда, а в другом месте, где именно — в канцелярии суда не говорили.

На суде Сельницкий заявил, что считает себя гражданином Израиля и не имел умысла нарушить закон.

Прокурор произнес речь, в которой, в частности, упрекнул Сельницкого-отца в неблагодарности к стране, которая спасла ему жизнь, дала образование ему и его детям, а теперь требует от его детей выполнения гражданской обязанности — службы в армии.

Адвокат отметил, что уклонение Сельницкого от службы в армии вызвано желанием уехать из страны, а разрешение на выезд (выданное семье Сельницких за несколько дней до суда) фактически снимает вину с подсудимого.

Суд приговорил А. Сельницкого к 2 годам лагерей общего режима.

За несколько дней до суда сотрудники КГБ г. Краснодара потребовали, чтобы отец Сельницкого заставил своих родственников в Израиле и США прекратить направлять местным влас-

тям телеграммы протеста. В противном случае, говорили ему, разрешение на выезд будет отменено.

В настоящее время отец, мать и брат Александра Сельницкого выехали из СССР.

Отец А. Сельницкого — уроженец Варшавы, в 16 лет участвовал в восстании Варшавского гетто. В гетто погибли 10 членов его семьи. Мать Сельницкого прошла через Харьковское гетто, где погибли ее отец, братья и другие родственники.

* * *

Марк Луцкер в 1972 г. подал документы на выезд, но вскоре получил призывную повестку. Он поехал хлопотать в Москву, и в центральном ОВИРе ему сказали, что его дело улажено. А когда Луцкер вернулся к себе и пошел в местный ОВИР, его там арестовали и дали 2,5 года лагеря "за уклонение от военной службы". Отбыв срок (в лагере и на "химии"), М.Луцкер 10 октября вновь подал документы на выезд — и снова получает призывные повестки из военкомата. Сейчас ему 24 года.

* * *

Юрий Пох из Одессы получил срок за отказ от службы в армии после подачи заявления на выезд в Израиль. 21 декабря 1975 г. вернулся в Одессу. Когда становился на учет в военкомате, военком сказал: "Придется отслужить!" Через несколько дней после этого разговора отец Поха умер от инфаркта.

* * *

За отказ от службы в армии угрожает арест Леониду Левиту (Тирасполь), Захару Брагинскому (ленинград), Борису Левитасу (Киев).

* * *

Служба в армии — преграда на пути многих, желающих выехать в Израиль.

После подачи заявления на выезд в 1970 г. был призван в армию Е. Фельдман. После демобилизации он, его мать и брат опять подали на выезд. Им отказали, т. к. Фельдман служил в армии.

Летом 1975 г. призвали его брата.

В. Максименко был призван после подачи заявления в 1971 г. В 1973 г., когда он отслужил, ему сказали, что для выезда в Израиль ждать придется не менее 5 лет.

Маранценбойм и Куперман также не получают разрешения на выезд из-за службы в армии. До сих пор не могут выехать в Израиль Барас (демобилизован в 1969 г.), Мишкин (в 1968 г.), Асс (в 1968 г.), Кантор (в 1968 г.), Тескер (в 1968 г.), Пекарский (в 1967 г.), Хесс (в 1967 г.), Раскин (в 1967 г.), Зицерман (в 1966 г.).

* * *

13 октября 1975 г. Московский городской суд рассмотрел кассационную жалобу адвоката С.В. Каллистратовой по делу

А. Малкина (Хр. 37) и оставил приговор без изменения.

28 октября Президиум Московской городской коллегии адвокатов рассмотрел жалобу отца А. Малкина на С.В. Каллистратову (там же) и не нашел в ее действиях ничего неправильного.

* * *

Как уже сообщалось (Хр. 37), за отказ служить в армии летом 1975 г. осужден на 3 года Я. Винаров. Известно его письмо Брежневу, написанное в июне.

”В сентябре 1974 г. я подал заявление в ОВИР УВД г. Киева о выезде в государство Израиль на постоянное место жительства. В марте 1975 г. мне было отказано в визе по режимным соображениям без объявления срока выезда. Начальник ОВИРа г. Киева Сифоров В.Н. сообщил, что под этим подразумевается обучение в Воронежском политехническом институте и посещение занятий по военной подготовке.

В связи с этим сообщаю следующее. Я был исключен с 3-го курса механико-технологического факультета ВПИ в мае 1974 г. Занятия по военно-технологической подготовке начались с 4-го семестра 2-го курса, т. е. продолжались всего один год. Большую часть этого срока проходил строевую подготовку, а также изучал следующие дисциплины:

Стратегию и тактику армий ФРГ и США; эти сведения не могут являться государственной тайной СССР;

Топографию и Устав Вооруженных Сил СССР по открытым источникам, находящимся в свободной продаже в магазинах Книгторга.

Остальная литература, которую я читал, была не секретной, а для служебного пользования. В расположении воинских частей никогда не бывал. Подписок о неразглашении каких-либо тайн не давал, а следовательно, не имел доступа к секретной литературе. С момента исключения из института прошло больше года. Мне также известно, что лицам, проходившим обучение на той же военной кафедре, разрешался выезд в Израиль”.

В связи с предстоящим его призывом в армию Винаров говорит о ”нестесненности принятия присяги на верность стране, покинуть которую он выразил желание”.

Он просит ”отменить безосновательное решение ОВИРа г. Киева”.

Аналогичные заявления были посланы Я. Винаровым и в другие места.

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

”Хроника текущих событий” — о своем основателе

18 декабря 1975 г. выехала в эмиграцию Наталья Евгеньевна Горбаневская.

Н.Е. Горбаневская родилась в Москве в 1936 г. Окончила филологический факультет Ленинградского университета.

В 1961 г. участвовала в машинописном поэтическом сборнике ”Синтаксис” (издатель А. Гинзбург).

25 августа 1968 г. Н. Горбаневская вышла на демонстрацию протеста на Красной площади (Хр. 3). Позднее, в 1969 г., она написала книгу об этой демонстрации и о суде над остальными ее участниками — ”Полдень”.

Наталья Горбаневская — инициатор создания весной 1968 г. ”Хроники текущих событий”. Она организовала издание ”Хроники”, деятельность ее во многом определила стиль, структуру и принципы ”Хроники”.

25 декабря 1969 г. Горбаневская была арестована. Основными пунктами обвинения были: написание книги ”Полдень” и систематическое редактирование выпусков ”Хроники”. Ее признали невменяемой и отправили в Казанскую специальную психиатрическую больницу. Освобождена в феврале 1972 г.

Наталья Горбаневская — поэт, автор многих поэтических сборников, распространившихся в самиздате в 60-е — 70-е годы. В 1972 г. в США вышел сборник избранных стихов Горбаневской ”Побережье”. В советской печати иногда публиковались ее переводы из польской, чешской, испанской поэзии. Оригинальное творчество Горбаневской почти не печаталось.

* * *

14 ноября 1975 г. Андрей Твердохлебов (Хр. 36, 37) кончил знакомиться со своим ”делом”.

* * *

5 декабря 1975 г. на Пушкинской площади в Москве состоялась традиционная ”молчаливая демонстрация”. Первая демонстрация на Пушкинской площади имела место 10 лет назад.

* * *

10 декабря — годовщина принятия Организацией Объединенных Наций Декларации прав человека.

10 декабря в Вильнюсе проходил процесс против Сергея Ковалева.

10 декабря Верховный суд РСФСР подтвердил приговор — 8 лет заключения — Владимиру Осипову.

В этот день группа советских граждан выступила с заявлением, обращенным к мировой общественности.

Коснувшись, насколько это позволяют рамки короткого

заявления, положения с правами человека в СССР, авторы солидаризируются с борцами за эти права, солидаризируются с голодовками политзаключенных, протестуют против нарушений прав человека.

Заявление подписали: *В. Бахмин, В. Борисов, К. Великанова, З. Григоренко, Т. Великанова, Е. Костерина, И. Жолковская, Р. Урбан, В. Гордеев, В. Войнович, В. Корнилов, С. Желудков, Д. Дудко, Ю. Орлов, Т. Ходорович, М. Ланда, Г. Подъяпольский, Н. Буковская, В. Некипелов, Г. Салова.*

* * *

Власти продолжают притеснять Александра Гинзбурга.

Весной этого года Гинзбург обошел почти все предприятия г. Тарусы в поисках работы. Он безуспешно пытался устроиться санитаром, кочегаром, электриком, разнорабочим.

В апреле ему удалось устроиться парковым рабочим в местном доме отдыха. Обычно такие работы заканчиваются в ноябре. Но 1 сентября Гинзбурга вдруг уволили "в связи с окончанием сезонных работ", даже не предупредив его за несколько дней.

Гинзбург подал заявление в местком, указав на допущенные юридические нарушения; его жена И. Жолковская написала жалобу в Тарусский райком КПСС.

15 сентября секретарь райкома партии А.С. Веников обещал, что ситуация будет нормализована. В тот же день Гинзбург был восстановлен на работе (правда, уже в другой должности). Его послали на уборку овощей, где с утра до вечера приходилось таскать тяжелые мешки. У Гинзбурга язва двенадцатиперстной кишки, и тяжелая работа ему категорически противопоказана.

1 октября Гинзбургу объявили, что с 14 октября он увольняется "по истечении сезонных работ". На сей раз письмо жены Гинзбурга Веникову осталось без ответа. Гинзбург же с тяжелым язвенным кровотечением попал в больницу, где пробыл до середины декабря.

У Гинзбурга двое детей, 1 года и 3 лет.

* * *

Во время визита в США в августе 1975 г. А.И. Солженицын обсуждал с американскими сенаторами вопрос о "фонде помощи советским политзаключенным и их семьям". В СССР этим фондом руководит А. Гинзбург. Сенаторы приняли решение наблюдать за его безопасностью.

* * *

10 октября 1975 г. студентка первого курса Московского электротехнического института связи Серафима Старобинец (из г. Львова) была исключена из комсомола с ходатайством собрания об исключении из института, которое вскоре также произошло.

Причиной исключения было то, что С. Старобинец 18 сентября ужинала с израильскими спортсменами, участниками чемпионата мира по тяжелой атлетике. После ужина один из спортсменов проводил ее до метро. Как только он ушел, милиционер предложил пройти ей в комнату милиции, где у нее проверили паспорт под предлогом поиска некоей преступницы, совершившей кражу, записали паспортные данные, извинились и отпустили домой.

В рапорте сержанта Тумашевича, присланном в институт связи, было сказано, что он (Тумашевич) заметил в вестибюле гостиницы "Россия" молодую женщину, долго находившуюся в обществе иностранных граждан и распивавшую с ними прямо в вестибюле спиртные напитки. Она была задержана, отведена в комнату милиции и оказалась студенткой С. Старобинец.

На собрании доводы Старобинец о клеветническом характере милицейского рапорта не возымели действия. Сам факт ужина с иностранцами был признан "аморальным". Вина студентки усугублялась тем, что спортсмены — из Израиля. Ее спрашивали: "А вы подумали, что среди них могли быть и шпионы? Что они могли устроить вам провокацию?"

С. Старобинец обратилась к ректору института проф. И.Е. Ефимову. Она заявила, что исключение произведено поспешно, без проверки голословного заявления сержанта милиции. Ректор ответил, что для исключения достаточно сигнала из милиции и того, что это дело связано с Израилем.

С. Старобинец обращалась и в отделение милиции, зам. начальника отделения лейтенант Ю.В. Неманежин сказал ей, что работники милиции воспитаны в духе советской морали и что речь идет об административном проступке, для которого необходимы составление протокола и свидетельские показания.

20 октября комсомольское дело Старобинец рассматривалось на бюро ВЛКСМ института. Выступавшие клеймили "правлящие круги Израиля". Бюро изменило мотивировку исключения Старобинец с "аморальности" на "политическую незрелость".

* * *

Литва (большая часть сообщений — по материалам "Хроники ЛКЦ" № 18, № 19).

25 июня 1975 г. Миндаугас Тамонис послал в ЦК КП Литвы письмо об угрозе неосталинизма и о необходимости развития христианской культуры (Хр. ...).

27 июня на работу к Тамонису прибыл милиционер и потребовал, чтобы тот явился в Вильнюсскую психбольницу. Тамонис отказался. Вечером того же дня капитан милиции с санитарами отправили Тамониса в психбольницу.

29 июня мать Тамониса умерла от инфаркта.

Тамонис пробыл в больнице около двух месяцев.

В один из дней ноября Тамонис был найден мертвым возле железнодорожного пути. Предполагается самоубийство.

10 ноября состоялись похороны, на которые пришло свыше 200 человек. Похороны проходили под наблюдением КГБ.

* * *

В июне 1975 г. Леонас Лауринскас "за хранение холодного оружия" получил 1 год лагерей строгого режима (Хр. 36, 37).

* * *

В 1971 г. в Вильнюсе при Доме культуры профсоюзов (ул. С. Даукантаса 5) был создан клуб народной песни. За четыре года клуб организовал не меньше 100 выступлений; о деятельности его не раз похвально отзывались газеты.

11 сентября 1975 г., когда члены клуба пришли на первые после каникул занятия, их по распоряжению заместителя директора Дома культуры не пустили внутрь. Участники хора начали было проводить репетицию в вестибюле, но администрация Дома культуры заставила их покинуть помещение.

В "Хронике ЛКЦ" № 18 выражается опасение, как бы клуб народной песни не постигла та же судьба, что и клуб краеведов (Хр. 29).

* * *

Ляонас Андрукайтис (Каунас) написал письмо в "Известия", в котором спрашивал, действительно ли проектируется выдавать новые паспорта только на русском языке. Так он понял (ошибочно) статью в "Известиях" о новых паспортах. Он высказал свои возражения: многие литовцы и люди других национальностей не знают русской грамоты. Автора письма вызвали в КГБ. Ввиду его болезни по вызову пошел сын. Работники КГБ пообещали, что займутся семьей Андрукайтисов.

* * *

Заклученный Пермского лагеря № 35 Г.И. Ермаков, получивший в 1974 г. 4 года по ст. 70 за написание и рассылку анонимных "писем антисоветского содержания" (Хр. 36), направил 2 июля Генеральному прокурору СССР заявление. Он утверждает, что вменяемые ему письма писал и посылал не он. Ранее он признал свою вину "под влиянием следствия"; его адвокат, пишет Ермаков, просил его не подымать шума, "ибо это ухудшит его положение".

* * *

С интервалом в одну неделю начальник отдела учреждения ЖХ — 385 (Мордовские лагеря) И. Смагин подписал следующие 2 письма.

Учреждение

ЖХ — 385

10 марта 1975 г.

№3/К-2

431 160 пгт Явас

Зубово-Полянского района

Гр-ну Крючкову Н.Н.

г. Москва, Чериоморский бульвар,

д. 7, корп. 2, кв. 124

Мордовской АССР

На Вашу жалобу от 2 января 1975 г. вторично сообщаем (никакого "первичного" ответа Н.Н. Крючков не получал — Хр.), что согласно официальной справки почтового отделения г. Москвы в пос. Барашево МАССР на имя осужденного Болонкина А.А. во второй половине декабря 1974 г. ценные письма не поступали

Учреждение

ЖХ — 385

17 марта 1975 г.

№ 3/К—5

431 160 пгт Явас

Зубово-Полянского района

Мордовской АССР

Гр-ну Крючкову Н.Н.

г. Москва, Черноморский бульвар,

д. 7, корп. 2, кв. 124.

На Ваше заявление от 20 февраля 1975 г. сообщая, что направленные Вами ценные письма осужденному Болонкину А.А. учреждением ЖХ — 385/19 возвращались обоснованно, так как... (в обоих ответах речь идет об одних и тех же ценных письмах — Хр.)

* * *

Геннадий Парамонов (Хр. 15, 33, 37), осужденный в 1969 г. по делу "офицеров Балтфлота" и направленный на принудительное лечение, в сентябре 1975 г. переведен из Черняховской спецпсихбольницы в Пермскую областную психбольницу общего типа (по месту жительства матери). В ноябре был представлен на комиссию, которая продлила принудительное лечение.

* * *

В мае 1975 г. из психиатрической больницы освобожден Василий Николаевич Никитенков (Хр. 19, 24, 35).

* * *

24 декабря исполнилось 5 лет со дня окончания "самолетного процесса" (Хр. 17). В этот день в Москве на ступеньках Ленинской библиотеки напротив Президиума Верховного Совета СССР состоялась "молчаливая демонстрация" евреев. В ней участвовало 37 человек. Еще 8 человек, направлявшихся на демонстрацию, были задержаны милицией возле своих домов и выпущены к вечеру того же дня.

* * *

В октябре-ноябре 1975 г. Геся Боруховна Пинсон, мать "самолетчика" Бориса Пэнсона, трижды приезжала из Риги в Москву и устраивала в одиночку демонстрации, держа плакат с требованием освобождения ее сына. Ее каждый раз увозили в милицию и высылали из Москвы.

В конце ноября в Риге ее пригласили в милицию, составили протокол, в котором говорилось, что она грубо вела себя с милицией, и посадили на 10 суток по Указу о мелком хулиганст-

ве.

Когда после выхода она попыталась поехать в Москву, ее в последний момент сняли с поезда и отобрали у нее билет.

Затем ее вызвали в рижский ОВИР и сказали, чтобы она уезжала из СССР (в рижском ОВИРе с 1970 г. лежат ее и Бориса заявления о выезде; в 1970 г. они получили отказ, что и послужило причиной участия Бориса в "самолетном деле").

Г.Б. Пинсон поставила условием своего выезда внеочередное "личное" свидание с сыном (очередное полагается ей в мае 1976 г.). Оно было ей обещано и назначено на январь 1976 г.

До 1940 г. Г.Б. Пинсон была членом коммунистической партии Латвии и активно участвовала в подпольной работе. В 1940 г., когда Латвия была включена в состав СССР, она, увидев начавшуюся массовую депортацию латышей в Россию, вышла из коммунистической партии.

* * *

10 октября Одесским облсудом в составе Котенко В. М., Коневского Д.И., Смирновой К.С. с участием прокурора Шуляченко Г.П. и адвоката Нимириной Н.Я. была рассмотрена кассационная жалоба по делу Л.Д. Ройтбурда (Хр. 37). Жалоба не удовлетворена, приговор оставлен в силе.

* * *

24 декабря по делу журнала "Евреи в СССР" (Хр. 37) в Москве было проведено 4 обыска (у Владимира Престина, Иосифа Бегуна, Павла Абрамовича и Елиаса Эссаса). На обысках изымались экземпляры журнала, пишущие машинки, даже чистая бумага и неиспользованная копирка. В одном случае были изъяты не только сертификаты, полученные вполне легальным способом, но и документы на право их получения. Изданные в Израиле на русском языке книги об Израиле и еврейской истории, как правило, не изымались. Обыском у Бегуна руководил Тихонов, возглавляющий следствие о журнале.

* * *

26 декабря по тому же делу был проведен обыск в Красногорске (под Москвой) у Мальвы Ланда. У нее изъяли материалы о политзаключенных. Следователь, руководивший обыском, незаметно вынул из протокола обыска лист, на котором было записано замечание Ланда о том, что утром перед обыском она была схвачена и отвезена в милицию, где ее продержали час, не объясняя причин задержания. В милиции с ней разговаривали очень грубо, протокол задержания составлен не был.

* * *

20 декабря 1975 г. в СССР вернулась жена А.Д. Сахарова Елена Георгиевна Боннэр (Хр. 37 и раздел "Друзья и враги Сахарова" в данном выпуске).

При въезде у нее отобрали на таможне аэропорта Шереметьево (Москва) не только изданные книги А.Д. Сахарова "О стране и мире" (Хр. 37) на разных языках, но также "Сборник

конвенций, ратифицированных Советским Союзом” (изд-во “Хроника”, Нью-Йорк) и Библию. Таможенник, руководивший досмотром ее вещей, сказал: “Библию мы разрешаем только престарелым”. Кроме того, он, пообещав выдать ей копию акта со списком конфискованных вещей, обманул ее.

* * *

19 апреля 1975 г. в Женеве был учрежден Международный комитет по борьбе со злоупотреблениями в психиатрии. В организации комитета приняла участие “Международная Амнистия”, его работа широко освещается прессой, созданы национальные секции комитета в некоторых европейских странах.

5 сентября образована британская секция комитета, ее председатель — проф. Генри Викс, президент Ройал Колледж (ассоциации психиатров). В июле Викс написал письмо Снежневскому, которого он знает лично (Г. Викс работал в СССР, был членом советского общества психиатров). Снежневский ответил, что не советские психиатры злоупотребляют психиатрией в политических целях, а те, кто использует бывших пациентов советских психиатрических больниц в грязной антисоветской кампании.

Ответ Снежневского, зачитанный 21 ноября на заседании британской секции в Ройал Колледж, произвел большое впечатление на собравшихся. 50 голосами против 2 была принята резолюция, осуждающая использование психиатрии против инакомыслящих в СССР и предлагающая послать в СССР комиссию из психиатров и юристов. На заседании говорили о Плюще, Глузмане, Буковском.

* * *

Покинул СССР Александр Горлов (Хр. 21).

* * *

В августе или сентябре 1975 г. уехал Владимир Марамзин (Хь. 35).

* * *

В ноябре эмигрировали один из участников демонстрации на Красной площади в Москве 25 августа 1968 г. Вадим Делоне (хр. 3, 4) и его жена Ирина Белогородская (Хр. 3, 6, 28-30).

* * *

4 сентября на постоянное жительство в США выехал московский психотерапевт Борис Ланда, член советской группы Международной Амнистии, автор нескольких писем в защиту прав человека в СССР. ОВИР дважды отказывал ему в разрешении на выезд в США, где проживает жена Б. Ланды. В июле этого года жена Б. Ланды приехала по его приглашению на месяц в Москву. Они совместно написали несколько писем Л.И. Брежневу, Н.В. Подгорному и Щелокову, но ответа не получили. Тогда Б. Ланда и его жена направили телеграмму в Хельсинки — “американской делегации для передачи Брежневу”, в которой изложили свою историю и попросили помочь им вос-

соединиться. Кроме того, они сообщили начальнику канцелярии Л.И. Брежнева, что если их просьба не будет удовлетворена к началу совещания в Хельсинки, то они предпримут те шаги, которые сочтут нужными. 28 июля заместитель министра внутренних дел СССР сообщил по телефону Б. Ланде, что его просьба удовлетворена.

* * *

Право на брак (окончание)

Хр. 36 и Хр. 37 уже сообщали о препятствиях, которые советские власти чинили московскому литератору Александру Соколову и австрийской преподавательнице Иоханне Штайндль в их намерении пожениться.

4 июля Штайндль была вынуждена покинуть СССР: ОВИР не продлил ее пребывание в Москве. Новая дата регистрации брака была назначена на 23 сентября, причем молодых людей заверили, что невеста получит возможность приехать в это время в Москву. Тем не менее, советское посольство в Вене отказало И. Штайндль в визе.

22 сентября Александр Соколов подал в районный ОВИР заявление на выезд в Австрию для регистрации брака.

23 сентября молодые люди начали голодовку: И. Штайндль в венском соборе Св. Стефана (она намеревалась голодать у советского посольства в Вене, но австрийские полицейские власти попросили ее делать это в любом другом месте), а Александр Соколов — на частной квартире в Москве. Австрийский канцлер Бруно Крайский обратился к Л.И. Брежневу с просьбой вмешаться в эту историю.

29 августа заместитель начальника московского ОВИРа сообщил Соколову, что имеется разрешение на его выезд в Австрию. 8 октября Александр Соколов уехал.

* * *

В первых числах ноября 1975 г. кандидат технических наук И. Ш. Бобров был извещен ОВИРом о разрешении на его выезд в Израиль; при этом ему было объявлено, что срок действия разрешения — до 12 ноября. Бобров сказал, что такой короткий срок на сборы, включающий к тому же несколько нерабочих дней, ставит его в очень затруднительное положение. Сотрудник ОВИРа Сивец заявила Боброву, что ему охотно помогут в его затруднении сотрудники "соответствующей организации", если он, в свою очередь согласится с ними встретиться и побеседовать. Бобров категорически отказался от предложенного обмена услугами. Через день ему была выдана виза, в которой был впечатан срок "28 ноября"; дата эта была, однако, перечеркнута, а под ней напечатана новая: "12 ноября".

Покинувший ранее СССР кандидат технических наук Ю.Р. Тувин оказался в точно такой же ситуации. Желая получить

возможность попроситься с сыном, которого в тот момент не было в Москве, Тувин согласился на предложенные встречи. Последовавшие "беседы" с сотрудниками КГБ (никак не удостоверившими свои имена) отличались от обычных допросов лишь отсутствием протоколов и прочих процессуальных "формальностей".

* * *

Находившийся во время процесса над С.А. Ковалевым в Вильнюсе В.Ф. Турчин несколько раз звонил себе домой — но лишь в первый день суда: уже на следующий день его домашний телефон был без всякого предупреждения отключен. Московские знакомые Турчина обратились в бюро ремонта: "Что с телефоном 129—25—30?" — "Телефон исправлен, но отключен на три месяца." — "Почему?" — "За нарушение правил." — "Каких?" — "п. 59 Устава связи." — "А в чем состоят эти правила?" — "Не знаю". — "А кто знает?" — "Звоните главному инженеру узла связи Владимиру Ароновичу Иоффе". Беседа с Иоффе: "Скажите, пожалуйста, почему отключен телефон 129—25—30?" — "А это ваш телефон?" — "Нет, моего приятеля." — "Вот и спросите у своего приятеля; он прекрасно знает, в чем дело." — "Но его сейчас нет в Москве, как не было и в момент отключения; в бюро ремонта мне сказали, что телефон отключен за нарушение п.59 каких-то правил." — "Правильно сказали." — "А нельзя ли узнать, в чем заключается этот п. 59?" — "А зачем вам это?" — "Хотя бы для того, чтобы знать, что именно надо опротестовывать." — "Все это бесполезно!" — "А все же?" — "Ну, ладно, сейчас прочту: "За использование телефона в целях, противоречащих государственным интересам или общественному порядку, телефон отключается; абонементная плата взимается на общих основаниях." Понятно?" — "Да не все, признаться. Кто, в частности, определяет "противоречие государственным интересам и общественному порядку?" — "Соответствующие органы, конечно." — "А как "соответствующие органы" могут судить о "противоречии"? Уж не подслушивают ли они разговоры?" — "Это совершенно лишний разговор!" — "Не хотите ли Вы сказать, что и наш теперешний разговор слушает кто-то третий?" — "Повторяю, разговор совершенно излишний!" — "Но все же, кто дает распоряжение об отключении?" — "Начальник сети." — "Так где же работает ваш начальник сети: в Министерстве связи или в "соответствующих органах"?" — "Все мы работаем в этих органах." — "Что Вы говорите?! И Вы?!" — "Послушайте, я и так сказал уже много лишнего."

* * *

Однажды в октябре Е.Ц. Чуковская получила два письма. Первое — в конверте с обратным адресом ее ленинградского

знакомого и ленинградским почтовым штемпелем — оказалось написанным на Кавказе и другим человеком. На конверте второго письма как раз и значился его обратный адрес (также подтвержденный штемпелем). Не вскрывая второй конверт, Чуковская отправилась с обсьими письмами в свое почтовое отделение (К—9, Центральный телеграф). Начальник отделения, выслушав ее жалобу, возмутилась: "Неужели Вы думаете, что наши почтальоны могли подменить письмо?" Чуковская уверила начальницу, что она вполне доверяет почтальонам, но просит почту найти истинных виновников. Получив на почте категорический отказ, Е.Ц. Чуковская обратилась в прокуратуру.

Следователь в присутствии понятых и ее самой вскрыл второй конверт и обнаружил, что письма переложены до проставления московских штемпелей. Чуковская написала по предложению следователя заявление о том, что она просит выяснить, кто повинен в нарушении тайны ее переписки. Прокуратура ответила, что оснований для возбуждения уголовного дела нет. Чуковская продолжает добиваться розыска и наказания виновных. Она требует также вернуть ей письма, оставшиеся в прокуратуре после экспертизы.

* * *

Сотруднику Института атомной энергии им. Курчатова Эдуарду Трифонову выдали характеристику для выезда в Израиль. В характеристике, в частности, записано: "В карьерных целях скрывал свою национальность".

* * *

Группа молодых ленинградских поэтов и художников послала в управление садово—паркового хозяйства Ленинграда письмо. В письме сообщалось, что 14 декабря 1975 г. в 11 час. утра они собираются почтить память декабристов, устроив на Сенатской площади чтение стихов (официально юбилей отмечался 26 декабря по новому стилю).

Утром 14 декабря 6 человек задержали по дороге на Сенатскую площадь: Юлию Вознесенскую, Виктора Кривулина и его жену Татьяну Горичеву, Бориса Иванова и еще двоих.

Сенатская площадь была оцеплена и запружена милицией и дружинниками. Улицы, ведущие к площади, были перегорожены машинами.

Двоим художникам, Синявину и Филимонову, удалось прорваться на площадь (они ночевали не дома). Когда их стали выталкивать с площади, Филимонов выбросил в Неву плакат, который держал свернутым под мышкой. Плакат поплыл, развернувшись вверх текстом: "Декабристы — первые русские диссиденты".

Милиция не расходилась до вечера. Говорят, что в ближай-

ших отделениях всю следующую ночь дежурили усиленные наряды.

Через несколько дней Ю. Вознесенскую вызвали в КГБ. Вознесенскую и ее друзей просили впредь предупреждать о подобных предприятиях, чтобы не происходило напрасного испуга; хвалили их стихи и их самих, предлагали помощь при публикации.

Еще через пару дней всю компанию вызвали в редакцию журнала "Аврора", где редактор журнала Глеб Горбовский обещал их впредь публиковать.

* * *

29 октября Мосгорсуд отказал Мирре Праздниковой в иске об алиментах на содержание ребенка. Отец ребенка — Милош Гладек, высокопоставленный работник госбезопасности ЧССР. Судья Кориева заявила, что "иск обоснован, но ответчик неподсуден"; на запрос горсуда о зарплате Гладека был получен ответ, что это — государственная тайна.

29 декабря дело должно было рассматриваться в Верховном суде РСФСР, но было отложено до марта 1976 г.

* * *

18 января 1975 г. был арестован заместитель начальника 2-го отдела Главного управления по охране государственных и военных тайн в печати (Главлит) Андрей Николаевич Соколов, 48 лет, член КПСС. Его обвинили в том, что он переправлял на черный рынок книги, которые после конфискации на таможне поступали в его отдел для уничтожения.

Кажется, выяснилось, что он занимался этим 15 лет. В последние годы Соколов поставлял на книжный рынок в основном книги Солженицына, Чуковской, Войновича, журнал "Континент".

Суд (закрытый) проходил с 12 по 30 сентября. За спекуляцию с использованием служебного положения Соколов приговорен к 7 годам заключения с лишением права занимать руководящие должности в течение последующих 5 лет.

Непосредственный начальник Соколова, начальник 2-го отдела Главлита Соколичков, отправлен на пенсию.

Факт "утечки" конфискованных книг обнаружили сотрудники угрозыска, расследуя дело о пропаже на таможне бандеролей с пластинками, косынками, зонтиками и пр.

* * *

Москва. 10 сентября нарсуд Волгоградского района приговорил Владимира Архангельского к 3-м годам заключения по ст. 206 ("хулиганство").

Архангельский осужден за драку со своим знакомым Караханом и двумя его сослуживцами, одного из которых он ударил по голове. Драка, происходившая 19 июня, закончи-

лась примирением, но через неделю Карахан подал заявление в суд. 1 июля Архангельский был арестован.

"Хроника" пишет об этом деле не потому, что Архангельский был членом "Группы — 73" (Хр. 30), а потому, во-первых, что есть серьезные основания считать, что подача заявления Караханом была инспирирована извне. Во-вторых, во время следствия к жене Архангельского приходил сотрудник КГБ А.К. Шевчук (занимавшийся делом А. Твердохлебова еще до его ареста) и дал ей понять, что если ее муж даст показания на Твердохлебова, то это облегчит его судьбу.

* * *

Якутск. 11 декабря 1975 г. был проведен обыск у П.Е. Башкирова, работника Республиканского Музея изобразительных искусств. Сотрудники Госбезопасности пришли во флигель музея, где живет Башкиров, в его отсутствие. Дождавшись прихода жены Башкирова А.Л. Габровой, вошли за ней в дом, не предъявляя ордера, провели обыск, в результате которого была изъята книга Ржевского "Творец и подвиг". После обыска А. Габрова была отвезена на допрос, продолжавшийся около 4-х часов. Одновременно привезли на допрос и П. Башкирова, схваченного на улице. Ни ордера на обыск, ни протокола обыска или изъятия, ни протоколов допросов не было. Через несколько дней П. Башкиров был вызван на допрос вторично, по повестке, и опять протокол допроса составлен не был. Известно, что в обыске и в допросах участвовали сотрудники КГБ лейтенант Гуляев и майор Кузнецов.

* * *

Печатный станок издательства "Христианин", захваченный 24 октября 1974 г. на хуторе Аигукалис (Хр. 34), находится в закрытом для широкой публики музее криминалистики в Риге. По отзывам посетителей, станок (полностью самодельный) содержится в рабочем состоянии, легко приводится в действие. Качество печати превосходно.

* * *

В сентябре в зале хроники московского кинотеатра "Россия" на закрытых сеансах демонстрировался не объявленный в афишах документальный фильм "Паутина" (режиссер Л.Махнач). В фильме в основном использованы кино- и фотокадры, снятые скрытой камерой: на улицах Москвы (встреча американского корреспондента с Андреем Амальриком, толпа во время еврейского праздника у московской синагоги), в вестибюлях московских гостиниц (встреча аспиранта Михеева с голландским туристом, который передает ему свой паспорт, чтобы Михеев смог нелегально выехать за границу), в пассажирском вестибюле аэропорта Шереметьево (эпизод с задержа-

нием Михеева и несколько других эпизодов), в кабинах таможен аэропорта Шереметьево (обыск иностранки, пытавшейся вывести материалы, связанные с Буковским). Судя по некоторым кадрам фильма "Паутина", скрытые камеры используются также для наблюдения за различными зарубежными учреждениями, изучающими советские проблемы, пытающимися засылать в СССР религиозную и политическую литературу ("Славянская миссия", Мюнхенский Институт по изучению СССР и др.), ведущими радиопередачи на русском языке (Радио Свобода). В фильме используются фрагменты из интервью Андрея Амальрика американскому телевидению, из пресс-конференции осужденных П. Якира и В. Красина.

Второй лентой в этом сеансе был фильм "Ночь над Китаем", темой которого является нарушение прав человека в КНР.

Билеты на кинофильмы "Паутина" и "Ночь над Китаем" распространялись в райкомах партии, райисполкомах и некоторых учреждениях.

* * *

НОВОСТИ САМИЗДАТА

В.Ф. Турчин. "Инерция страха.
Социализм и тоталитаризм.
Часть I. Тоталитаризм".

В предисловии к книге автор характеризует свои воззрения как позитивистские и социалистические (но не марксистские). Он является сторонником постепенных демократических преобразований. Задачу критиков он видит "не в том, чтобы противопоставить себя правящему слою как враждебную ему силу, а в том, чтобы нащупать путь, который позволил бы выйти из тупика и приступить к давно назревшим преобразованиям".

Первая часть книги посвящена характеристике положения в Советском Союзе в настоящее время. Основная мысль автора: тоталитаризм в стране "выходит на стационарный режим". Автор приводит различные примеры из жизни, в частности — автобиографического характера. Освещаются различные аспекты государственной идеологии в СССР. Большое место уделено критике исторического материализма с позиций ученого-кибернетика.

Ю.Ф. Орлов. "Возможен ли социализм не тоталитарного типа?"

Автор анализирует основные свойства "социализма тоталитарного типа", их взаимосвязи и взаимную обусловленность.

Он утверждает, что характерная для большинства социалистических стран "предельная монополизация экономической инициативы" почти однозначно сцеплена с монополизацией политической инициативы.

Современный "симбиоз социализма и тоталитаризма" автор считает очень устойчивым образованием и предсказывает дальнейшую "тоталитаризацию мира" на социалистической основе.

Тем не менее, он "не считает положение безнадежным". Считая теории исторического детерминизма и теорию научного социализма с полностью планируемой экономикой ненаучными, он противопоставляет им концепцию личной ответственности за историческое развитие. Однако он предлагает стремиться только к таким общественным структурам, которые можно считать "устойчивыми в долговременном плане". В качестве реалистической альтернативы тоталитарному социализму он предлагает "социализм с децентрализованной частной экономической (и политической) инициативой" без частной собственности.

Но на данном этапе он считает самым важным развитие "этического антитоталитарного движения". Автор является убежденным противником насилия, которое "может только ухудшить существующую ситуацию".

Михаил Бернштам. "Неотлагаемое будущее" (71 стр.)

Автор сам в своей работе характеризует ее так: "Вот и моя рецепция-реферат — только и призвана — повторить наново важнейшие идеи А.Д. Сахарова (имеется в виду его книга "О стране и мире" — Хр.) и тем привлечь к ним внимание, стимулировать их обсуждение, уточнение, развитие. Создать духовную почву, чтобы начать сахаровские предложения осуществлять в жизни, в неотлагаемом будущем."

Работа состоит, кроме двух вводных параграфов, из семи глав: 1. "Разрядка". Экономическое сцепление. Жизнь. 2. Экономика. "Реформа". Экономическая революция. 3. Социализм и тоталитаризм. Опасности "сползания" в них. 4. Экономический подход к нашей экономике и истинное народофильство. 5. Реформизм и радикализм. 6. Авторитаризм и тоталитаризм. 7. Системный подход. Два социализма. Два пути истории.

А. Московит. "Метаполитика" (1975 год)

Историко-философский труд посвящен критике марксистского эволюционизма и теории социального прогресса. На обширном историческом материале разных стран и цивилизаций автор обосновывает оригинальную концепцию борьбы сил "веденья" и "неведенья" (вернее, выбора между ведень-

ем и неведением) как основного фактора, определяющего общественно-политические формы человеческого общежития. Грубый пример: привычка безбоязненного и дальновидного предвидения и *выбор* собственной ответственности за судьбы страны ведет людей к установлению демократии. Стремление же людей закрывать глаза на дальние последствия в угоду ближайшим выгодам, снять с себя ответственность и переложить ее на "сильного человека" ведет к тирании.

Автор убедительно показывает всю необоснованность надежд на автоматический приход любого "светлого", демократического и пр. будущего. Такое будущее может быть осуществлено только в результате сознательного выбора людьми веденья и ответственности.

"Окрос Сацмиси" ("Золотое руно")

Литературно-публицистический журнал. Тбилиси.

Редактор журнала Звиад Константинович Гамсахурдиа, член Союза писателей, член Грузинской Инициативной группы защиты прав человека, член советской группы "Международной Амнистии". Журнал ставит перед собой задачу публиковать повести, рассказы, стихи и статьи, которые не могут появиться в официальной печати из-за идеологической цензуры.

Первый номер журнала вышел в мае 1975 г. Он открывается вступительной статьей З. Гамсахурдиа, в которой декларируются цели журнала, объясняется его название ("Золотое руно" — символ древней колхидской культуры; выражение "окрос сацмиси" имеет, кроме того, и другое значение — "туча, рождающая дождь"). "Пусть этот журнал, — пишет редактор, — будет животворящим дождем после длительной засухи вынужденного молчания".

Проза представлена в первом номере новеллой Константина Гамсахурдиа (умер в 1975 г.) "Дружба врагов" и рассказом Басила Меликишвили (умер в 30-е годы) "Змеиное озеро".

Гамсахурдиа вспоминает о возникшей в Соловецких политлагерях в 20-е годы дружбе между ним и одним из лидеров мусаватистов, Рахимом Векиловым, дружбе, продолжавшейся после освобождения обоих и не прекратившейся до самой трагической смерти Векилова.

Рассказ "Змеиное озеро" посвящен великому грузинскому поэту Важа Пшавела.

В отделе поэзии помещена антисталинская поэма Габриэля Джабушанури "Инвектива — монумент", написанная при жизни Сталина. Там же стихи — Нико Самадашвили, Шота Чантладзе, Мераба Камарели, Звиада Гамсахурдиа, Сезмана Мартвили, Леона Картвели, Нуну Шалвашвили. В числе авторов — Теймураз Чантуришвили, ныне отбывающий срок в перм-

ских политлагерях (Хр. 33). В этом же отделе — переводы из Фридриха Хеббеля и Серена Кьеркегора.

В отделе публицистики напечатаны статья историка Ивана Джавахишвили "Вопросы истории Грузии XIX века" — о попытках административным путем изменить этнический облик некоторых районов страны и речь писателя Нодара Цулейскири, которую он произнес в Союзе писателей Грузии на встрече писателей с первым секретарем ЦК КПСС Грузии Э. Шеварнадзе. Цулейскири возражает против попыток поставить русский язык в Грузии в привилегированное положение по сравнению с языками других народов СССР. Он говорит о падении культуры грузинского языка в народе.

В конце журнала под общим заглавием "Алавердобис Цецхли" ("Огонь Алавердоба") публикуются три эссе — Звиада Гамсахурдиа, Мераба Костава и "В.Р." — посвященные ныне покойному писателю-новеллисту Гураму Рчеулишвили.

* * *

В июле 1975 г. вышел второй номер журнала "Золотое Руно", осенью — третий номер.

ПРОЦЕССЫ ПРОШЛЫХ ЛЕТ (ДЕЛО А.СЕРГИЕНКО)

Оксана Яковлевна Мешко, мать политзаключенного Александра Сергиенко (Хр. 30), обратилась в "Международную Амнистию". Она рассказывает о суде над сыном (1. место. 2. дата) и последующих событиях.

Во время суда А. Сергиенко было предъявлено около 10 пунктов обвинения. Вот некоторые:

1. Правка работы И. Дзюбы "Интернационализм или русификация" (сам Дзюба это опровергает).

2. Высказывания о событиях в Чехословакии 1968 года (инкриминируются разговоры со студентами — с ними Сергиенко не общался после своего исключения из института в 1967 г.; Сергиенко был исключен в связи с арестами и гонениями на Украине в 1965—1967 г.г.).

3—4. Сергиенко — корреспондент "Украинского вестника", автор "Некролога". (Сергиенко произнес прощальное слово на похоронах Аллы Горской /художница, погибшая при таинственных обстоятельствах/, этот некролог был напечатан в "Украинском вестнике". В связи с "Вестником" инкриминировались записи в тетради, изъятой на обыске. В этой тетради было несколько отрывочных фраз (и переписанный отрывок из романа Кестлера "Тьма в полдень").

5. Клевета о русификации Украины (Сергиенко — участник самодеятельной делегации в ЦК КПУ в 1967 г. по вопросу о необходимости преподавания на украинском языке в ВУЗах СССР).

6. Националистические высказывания (вел конспекты по-украински, сдавал экзамены на родном языке; задавал вопросы на лекциях по историческому материализму).

Суд посчитал уликами бесспорного "инакомыслия" Сергиенко пометки "пренебрежительного характера" на книге "Ленин про Украину" и на газете с речью Брежнева.

Во время суда подсудимому и адвокату отказали в вызове большинства свидетелей.

Сергиенко не признал себя виновным. Адвокат Мартыш требовал оправдать подзащитного. Но суд дал даже больше, чем просил прокурор, — к 7 годам заключения добавил 3 года ссылки.

После суда дело Сергиенко недоступно для адвокатов. Не смогли ознакомиться с делом адвокаты Н.С. Ежов, М.Я. Линда, Н.Я. Нимирина.

Многочисленные жалобы О. Мешко остаются фактически без ответа. Беседа с работником приемной ЦК КПСС Щербаковым ни к чему не привела. Во время разговора он позволил себе иронически комментировать заявление О. Мешко в ЦК КПСС. Отказ принять заявление Щербаков мотивировал так: "ЦК КПСС и его члены не имеют права вмешиваться в судебные дела ...".

Ходатайства депутатов Верховного Совета СССР Михаила Стельмаха, Дмитрия Кабалевского, Бориса Патона не повлияли на судьбу Александра Сергиенко.

ПОПРАВКИ И ДОПОЛНЕНИЯ

В Хр. 35 в "Кратком сообщении" из Таллина среди арестованных ошибочно назван Петерсон.

В Хр. 36 в списке известных "Хронике" политзаключенных Владимирской тюрьмы под № 27 значился Тупельману, "из латышских партизан". Фамилия этого человека не Тупельману, а Тумельканс, и он не "латышский партизан". Он сидит за службу в т.н. Латышском легионе, созданном во время немецкой оккупации Латвии. Арестован в 1972 году, срок 6 лет по ст., соответствующей ст. 64 УК РСФСР. В настоящее время Тумельканс отправлен из Владимира в лагерь.

В Хр. 37 в разделе "События в Литве" напечатано, что 14 августа 1975 г. "обыску был подвергнут М. Втикунайте". Следует читать: "обыску была подвергнута М. Виткунайте".

Там же, в разделе "Суд над Осиповым": свидетель А. Иванов (Скуратов), а не (Скурлатов).

В Хр. 37 в сообщении о допросах по делу Ковалева не было сказано, что, кроме Т.Великановой и Г. Подъяпольского, отказались давать показания также и З. Гамсахурдиа, М. Костава, В. Рцхиладзе (фамилия последнего была искажена), М. Ланда, А. Гинзбург.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абанькин В.	52	Бернштам М.	40-42, 90	Волкова	32
Абдураманов А.	62	Библиенко И.В.	69	Вяливээр	25
Абдурешитов А.	62	Бобров И.Ш.	84	Габиташвили У.	63
Абрамович П.	82	Богораз Л.	31,37,44	Габрова А.Л.	88
Абушахмин	38	Бойцова Л.	15,17	Гаврилин	31
Авторханов	35,36	Боллзак	56	Гаврилов Г.	27
Адриан П.Г.	70	Болонкин А.	27,51, 81	Гагуа М.	63
Азбель З.	6	Бондарь Н.	53,54	Гайдамак	60
Айрапетов	52	Боннэр Е.Г.	11, 82	Галан Я.	55
Айрикян П.	51	Борисов В.	44,78	Гамсахурдиа З.	63, 64,65,91-92,94
Алексеева Л.	44	Бородин И.И.	70	Гамсахурдиа К.	91
Алексеев-Попов	34	Бочковская	20	Ганенко	52
Альтман А.	45,48	Брагинский З.	75	Гауэр Е.К.	69
Амальрик А.	6,27, 88-89	Брежнев Л.И.	48, 56,67,69,70,76,83, 84	Гвазава Т.	63
Аметов К.	62	Броунинг	32	Гелгота В.	66
Андропов Ю.	15,28	Букаускайте	66	Гинзбург А.	77,78, 94
Андрукайтис Л.	80	Буковская Н.И.	44, 55-57, 78	Гитлер А.	6
Аносков Ю.И.	59	Буковский В.	7,14, 49,52,55-57,83,89	Гладек М.	87
Антонюк З.	45-48, 53	Булгаков М.	36	Глузман С.	7,46,47, 49,56,83
Апраксин	15,38	Бутман Г.	4	Голдырев	45
Артюх В.А.	69	Бутченко Ю.	51	Головешко	47
Артюх П.А.	69	Вальдман И.	45,46, 48,53	Голумбиевская	30, 31
Архангельский В.	87-88	Варато А.	25-30	Гольфанд Ю.	11
Арцимович С.	35-38	Васильев	4	Гончарова В.П.	74
Асс	75	Васильев Ю.	50	Горбаль Н.	46,47
Афанасьев	25	Векилов Р.	91	Горбаневская Н.Е.	77
Бабиц С.	44	Великанова К.	78	Горбатов В.А.	17
Бакли	9	Великанова Т.	13, 14,16,18,22,44, 78, 94	Горбовский Г.	87
Бакучонис	14,17, 21, 24	Велиуллаева А.	62	Гордеев В.	78
Балакирев В.	27	Вендыш М.	50	Горичева Т.	86
Балахонов В.	52	Веников А.С.	78	Горлов А.	83
Балтинас	23	Викс Г.	83	Городенцев	31
Барас	75	Викторов	4	Городецкий А.	50
Баренбойм	30	Викторов А.	5	Горская А.	92
Бартелс	25	Винаров Я.	76	Граждан Ю.С.	31, 37, 38
Басараб Д.	46	Висманияйте	66	Граур	51
Бахарева М.Я.	69	Виткунайте М.	93	Григоренко З.	44, 58, 59,78
Бахмин В.	78	Власов А.А.	67	Григоренко П.	6,7, 14,16,49,56,58,59
Башкиров П.Е.	88	Вознесенская Ю.	86	Григорьянц С.	33, 34
Бегун И.	82	Войнович В.	5,6,78, 87	Гринфельд	64
Бедошвили Л.	63				
Белогородская И.	83				
Бергер-Колодеж	50				
Бердник	50				

Гродецкий Ю.52,54	Звезда Ж. 63	Ковалев Н.И. 74
Гроссман В. 35	Зверев 31,32	Ковалев С.А.11-25, 44,77,85,94
Губарев 48	Здоровый А. 49,54	Кожемякина А. 16
Гудас 16	Зильберман Э. 36	Козорезов А.Т. 70
Гуляев 88	Зицерман 75	Кокай Л. 63
Гурный Р. 53	Зограбян 46	Коломин В. 50
Делоне В. 83	Ибраимов И. 62	Кон 25
Демидов 46	Иванов (Скуратов) А. 94	Кондрюк О.Н. 70
Денас В. 65-66	Иванов Б. 86	Коневский Д.И. 82
Десятников М. 70	Иванов Н. 44	Конончук 50
Джабушанури Г.91	Игнотас М.14,17,24	Константиновский 51
Джавахишвили 92	Игрунов В.34-39,44	Копелев Л. 5-6
Джангиани 62	Илин 60	Копотун М. 50
Джваршейшвили Т. 64	Ильичев 9	Коптева 30
Джемилев М.38,44, 57-59	Ильясов У. 62	Коржанец Л. 70-71
Джемилев Р. 6,54, 59	Инаури А. 64	Корнева 87
Джемилева Г. 59	Иооста 27	Корнилов В. 5,6,78
Джуманиязия П.61	Иоффе В.А. 85	Королева Г. 16,20
Дзюба И. 92	Исмагилов К. 50	Короленко 4
Диджидене 14	Кабалевский Д. 93	Косарев 26
Дирксен Я.Ф. 70	Кавтарадзе Н. 63	Костава М. 92,94
Добрачев Ю.Л. 17	Казиев Ю. 50	Костерина Е. 44,78
Добровольский А. 33	Каковский 47,54	Косыгин А. 48,70
Довганич З. 50	Калинец И. 46,48	Котельников В. 12
Долишний В. 51	Калиниченко В. 49, 54	Котенко В.М. 82
Донцова 30	Каллистратова С.В. 15, 75-76	Котов 47
Дорошенко В. 50	Камарели М. 91	Кочубей И. 50
Дудко Д. 68,72,78	Каминская Д.И. 15	Кравченко Д.И. 71
Дышель 39	Кампов П. 54	Крайский Б. 84
Д'Эстен Ж. 56	Кан А. 54	Красин В. 14,15,19, 26, 89
Дяс В. 50	Кантор 75	Кривулин В. 86
Егоров А. 50	Капранов М. 50	Круглов 23
Едков Н. 53	Караванский С. 7	Крюков 30
Ежов Н.С. 93	Карахан 87-88	Крючков Н. 80-81
Ермаков Г.И. 80	Карева 33	Кудряпов А. 59
Ефимов И.Е. 79	Картвели Л. 91	Кузнецов 47
Желудков С. 6,78	Каспер Э. 71	Кузнецов 88
Житникова Т. 16, 39-40	Катчук А. 35,36,37	Кузнецов Э. 50
Жолковская И. 78	Кафтанюк И.П. 16	Куперман 75
Завьялкин 53	Каялиев М. 62	Куприн 4
Зайцев В.Г. 73	Квецко Д. 50	Курса О. 35,36,37
Залмансон И. 50	Кейна А. 66	Куртвалов М. 60
Зардалишвили 63	Кекконен У. 67	Кьеркегор С. 92
	Кийренд М. 25-30	Кэстлер 25
	Кинг М.Л. 5	Лавут А. 13,18,44
	Кирпичников В. 24	Ланда Б. 83-84
	Коберидзе Н. 63	Ланда М. 18,22,39, 44,52,78,82,94

Лауринскас Л.	80	Митин	9	Панченко В.	50
Леви	23	Михайленко	30	Парамонов Г.	27,81
Левит Л.	75	Михайлов	52	Пастернак Б.	10
Левитас Б.	75	Михайлов В.	63	Патон Б.	93
Левич В.	5	Михеев	88	Паулайтис	7
Левшин Ю.	50	Мишкин	75	Пачулия	64
Леканов	33	Молчан	31	Пекарский	75
Ленин В.И.	29	Мордюк	47	Петерсон	93
Лерт Р.	6-10	Мороз В.	7,35	Петренко И.А.	66
Лесько	38	Морозов Г.	38,39	Петров В.	45-48
Линда М.Я.	93	Московит А.	90-91	Петровский	39
Лисовская Н.	44	Мошнян	45	Пидгородецкий	46,
Литвинов М.	17,18,	Мустафаева А.	60	47	
24		Мухтеремов Ш.	62	Пикалов В.А.	70
Литвинов П.	31	Мяттик К.	25-30	Пименов	45,46,48
Ломакин П.	51			Пименов Р.	7
Ломовцева Л.Ф.	40,	Нарица М.	42-43	Пинсон Г.Б.	81-82
41,42		Нарица П.	43	Пинтер Г.	56
Лубяной Н.Н.	67	Небиеридзе Б.	63	Плешаков	32
Луканов	31	Недавняя Е.	68	Плумпа П.	49
Лушц Д.Р.	38	Неизвестный Э.	6	Плющ Л.	7,16,39,
Луцкер М.	75	Некищелов В.	78	40, 83	
Лысенко В.	51	Некрасов В.	7	Подгорный Н.	49,
Лычак	45,50	Неманежин Ю.В.	79	55,69,70,83	
Любарская Л.А.	16,	Никитенков В.Н.	81	Поддубная	33
20		Никитченко	55	Подьяпольский Г.	
Любарский К.	3,4,	Николаев	45,46	44, 78, 94	
5,3		Никора О.Г.	71	Поздеев	38
		Никсон Р.	4	Полькин Б.В.	16
Макаров С.	35	Нимириная Н.Я.		Поляков	46
Максименко В.	75	38, 82, 93		Пономарев А.	40,
Малкин А.	75-76	Нобель	5	41,42,44	
Мандельштам О.	35	Новиков В.К.	68	Пономарева В.А.	41
Марамзин В.Р.	83			Потапов Н.	50
Марашенбойм	75	Обольский Э.Я.	42	Пох Ю.	75
Маресин В.	15,17,	Огурцов И.	46	Праздникова М.	87
18,21,24		Олдридж Дж.	54	Престин В.	82
Маркхам Д.	56	Орлов Ю.	6,11,13,	Приходько	49
Мармус В.	50	17,18,44,78,89-90		Пришляк Е.	46
Мартвили С.	91	Осецкий К.	5	Пронюк Е.	46,47
Мартыш	93	Осипенко	31	Пшавела В.	91
Марченко В.	48	Осипов В.	31-33,77,	Пшеницын М.А.	70
Марше Ж.	56	94		Пэнсон Б.	81
Матросов С.	62	Османов Мустафа		Пяткус В.	22
Махнач Л.	88	60			
Медведев Р.	6	Османов Мухсим		Раскин	75
Меликишвили Б.	91	62		Регельсон Л.	71
Мельников П.В.	65	Османова Н.	61	Резак В.	35-37
Меметова З.	62	Ошеревич П.	36	Рекубретский В.	18
Месенгисер З.	53			Решетник М.Н.	66
Мешко О.Я.	92-93	Павловский Г.	34,	Ржевский	88
Мжаванадзе	9	35, 37		Рогозов	45,47,48
Мизякин А.	17,18,	Пайлодзе В.	53	Роде Г.	52
24					

Родионов В.	44	Сорока С.	46,54-55	Флорескул М.	45,70
Ройтбурд Л.	82	Сорокин	4	Форд Дж.	9
Рокецкий В.	49	Сталин И.В.	6,55	Фролов	62
Рокфеллер Н.	9	Старобинец С.	78-79	Хабулиани	62
Рубан	47,55	Стельмах М.	93	Хаирова В.	58,59
Рубин В.	6	Стиль А.	54	Хайбулин В.	72,73
Руденко Р.	69	Строкатова-Кара-		Халилов М.	62
Рудниченко Г.З.	67	ванская Н.А.	51	Халилов Р.	60,61
Рцхиладзе В.	94	Стус В.	51	Ханцис Я.	16
Рчеулишвили Г.	92	Судаков В.	35	Харечко И.	55
Рыков А.	36	Султан А.	62	Харитошин В.Н.	67
Сабоните Г.	64	Суперфин Г.Г.	47	Хаустов В.	37
Савиняне	14	Суров	57	Хеббель Ф.	91
Салова Г.	44,78	Сусленский Я.	54	Хейнасто	29
Самадашвили Н.	91	Тамонис М.	79	Хейфец М.	51,54
Самхарадзе Б.	64,	Тарасова З.П.	68	Хесс	75
	65	Твердохлебов А.	7,	Хнох А.-Л.	46,47
Сартаков П.	51	11-14,44,77,88		Ходорович Т.	14,
Сафронов А.	52	Тевс И.Ф.	70	22,39,44,78	
Сахаров А.Д.	3-12,	Тельников В.	36	Хрущев Н.С.	35,55
	14,18,23,24,35,39,	Теребилов	15	Цехмистров В.А.	67
	44,58,59,67,82,90	Терешин	14	Цулейскири Н.	92
Светличный И.	46	Терлецкас А.	22	Чалидзе В.Н.	17
Сельницкий Т.	74	Терновский Л.	44	Чантладзе Ш.	91
Сельницкий А.	74	Тескер	75	Чантуришвили Т.	
Сергиенко А.	52,	Тихонов	82	91	
	92, 93	Тобак	42	Черный О.	6
Сейдаметов А.	62	Токарь	31	Чеховской А.	50
Сервер	60	Толмачева	74	Чикина В.Н.	17
Сеферов Э.	59	Трифонов Э.	86	Чикмизов Д.	63
Синявин	86	Трошин	24	Чобанов М.	60
Сирадзе М.	63	Трушин А.А.	67,72	Чуковская Е.Ц.	85
Сифоров	40,76	Тувин Ю.	84-85	Чуковская Л.К.	5,
Скворцова Н.Г.	16	Тумашевич	79	10, 87	
Скипарене М.	66	Тумелькаис	93	Шабатура С.	51
Скипарис А.	66	Турик А.	49	Шакиров Б.	52
Скобас	48	Турченко	70	Шалагин Н.А.	38
Смагин И.	80	Турчин В.	6,11,13,	Шалвашвили Н.	91
Смирнов	45,46	14,17,18,24,85, 89		Шальев С.П.	67
Смирнов А.Н.	12	Тутремов	26,27	Шахвердян Б.	46,
Смирнов Н.П.	33	Тымчук Л.	30-31	48, 54	
Смирнова К.С.	82	Уальд Ж.	11	Швейский В.	38,58,
Смолкин В.	22	Урбан Р.	78	59	
Снежневский	39,84	Усоева Н.	53	Швейцер А.	5
Соколов А.	84	Утыро	47,49	Шеварнадзе Э.	92
Соколов А.Н.	87	Федоренко В.П.	53	Шевчук А.К.	88
Сокочников	87	Федосеева Л.	41-42	Шелков А.В.	68
Солдатов С.	25-30	Фельдман Е.	75	Шелков В.А.	73
Солженицын А.И.		Филимонов	86		
	10,14,15,20,23,35,				
	78,87				

Шибает А.И.	73	Щелоков	83	Юскевич А.	25-30
Шилкин А.Д.	67				
Шиханович Ю.	37	Эннс Я.Я.	70	Якир П.И.	14,15,19,
Школьник И.	50	Эссас Э.	82		26,27,33,89
Штайндль И.	84	Эшкрофт П.	56	Якунин Г.	71-72
Шуляченко Г.П.	82			Ярунин	47,48
Шуревич Ю.	35,36	Юдович Л.А.	33	Ясиновская Ф.	17,
Шушунин	50	Юрявичус	22		18,24
				Яугялис В.	22